

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

0

СЧЕТ ЗА КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ

КВАРТИРА № 0

КВАРТИРА

№ 0

Марк Вельский

Квартира 0

<https://litres.ru/74670728>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти матери Егор находит среди её документов странные квитанции. На протяжении двадцати семи лет она исправно платила за квартиру 0.

Проблема в том, что такой квартиры не существует.

В доме девяносто шесть квартир. Егор знает его с детства, помнит каждую лестничную площадку, каждый поворот коридора. Но двери с номером ноль там никогда не было.

Он начинает задавать вопросы и обнаруживает, что соседи помнят то, чего не должно было происходить. Одни утверждают, что в нулевой квартире жила пожилая женщина. Другие уверены, что видели там молодую семью. А старые документы противоречат не только воспоминаниям жильцов, но и друг другу.

Чем глубже Егор погружается в прошлое матери, тем больше понимает: она скрывала нечто гораздо страшнее существования лишней двери.

И некоторые тайны лучше не открывать.

Содержание

Глава 1. Платёж за пустоту	4
Глава 2. Четвёртая ступень	15
Глава 3. Чужая собственность	23
Глава 4. Два жильца	34
Глава 5. План без комнаты	47
Глава 6. Июль девяносто девятого	59
Глава 7. Кассета без даты	68
Глава 8. Смотритель	79
Глава 9. Неправильная лестница	91
Глава 10. Свет из стены	102
Глава 11. Записать невозможное	110
Глава 12. Женщина без адреса	118
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Марк Вельский

Квартира 0

Глава 1. Платёж за пустоту

Егор трижды нажал кнопку на чайнике, прежде чем вспомнил, что выдернул вилку из розетки.

Мать всегда боялась пожара. Даже когда уходила выбрасывать мусор, отключала телевизор, микроволновку и маленькую лампу в прихожей. На холодильнике до сих пор висел листок: «Уходя — проверь розетки». Он был приклеен прозрачным скотчем так давно, что скотч пожелтел, а бумага по краям свернулась в трубочки.

Егор вставил вилку обратно, налил воды и сел за кухонный стол.

На столе стояли две коробки. В одной лежали документы, которые следовало сохранить. Во вторую он складывал бумаги, смысла которых не понимал. Вторая коробка уже была почти полной.

В детстве он представлял, что после смерти человека остаётся что-нибудь важное: письмо, признание, секрет, который наконец разрешено узнать. От матери остались гарантийный талон на утюг, восемь одинаковых магнитов из Анапы и инструкция к пылесосу, выброшенному лет пятнадцать назад.

Нина Ильинична Ланская умерла шестнадцать дней назад. Инсульт случился днём, когда она собиралась в поликлинику. Соседка слышала шум, вызвала скорую, и к вечеру всё закончилось. Врачи отвечали на вопросы честно и коротко. Не было ни пропущенной возможности, ни последней просьбы, которую сын мог бы исполнить. Егор до сих пор ловил себя на желании кому-нибудь позвонить и уточнить, нельзя ли было сделать иначе.

Он работал со звуком: восстанавливал старые записи, чистил голоса от шума, сводил документальные фильмы. В его профессии почти любую фразу удавалось сделать разборчивее, если долго подбирать частоты и не пытаться вырезать слишком много. Со смертью этот способ не работал.

Чайник щёлкнул.

Егор не встал. Он смотрел на тонкий тёмный след чашки на клеёнке и вдруг понял, что мать больше не будет ругать его за горячее дно. Мысль была настолько мелкой, что от неё стало особенно тяжело.

Он открыл верхний ящик буфета.

За конвертами с фотографиями лежала серая картонная папка, перевязанная бельевой резинкой. Сверху мать написала чёрным фломастером: «КВАРТИРА. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ».

Егор усмехнулся. За две недели хлопот с бумагами он уже выяснил, что квартира — единственное ценное имущество. Она досталась матери от родителей. Двухкомнатная, с узким

коридором и балконом на тихий двор, в старом кирпичном доме у метро «Аэропорт». В девяностые здесь иногда отключали горячую воду на несколько недель, а лифт чинили чаще, чем запускали, но мать отказывалась даже обсуждать переезд.

Он снял резинку.

Внутри лежали квитанции. Много. Одни отпечатаны на серой бумаге старых кассовых аппаратов, другие заполнены синей ручкой, третьи представляли собой распечатки банковских переводов. Все были аккуратно разложены по годам.

Самая поздняя датировалась вторым октября 2026 года.

Егор прочитал её бегло, уже собираясь положить в коробку к остальным счетам, потом остановился.

«Платательщик: Ланская Н. И.»

«Назначение: содержание помещения № 0».

«Адрес: дом 18, корпус 1».

Это был их дом. Только нулевой квартиры в нём не существовало.

Егор перечитал строку. Номер был напечатан чётко, не буквой «О», не обрезанной цифрой. Ноль.

В старых домах встречались странные обозначения помещений: «А», «Б», «подвал», «бывшая дворницкая». Он решил, что речь о кладовой, которую мать когда-то арендовала. Но в прихожей, на балконе и в антресолях он уже перебрал всё, включая коробку с электрическими пробками. Никакого ключа от кладовой не нашёл.

Он вынул следующую квитанцию. Сентябрь. Потом август. Июль.

Каждый месяц мать перечисляла деньги за помещение № 0.

Первые квитанции в папке относились к ноябрю 1999 года.

Егор сдвинул бумаги и пересчитал разделители. Двадцать семь лет.

Суммы менялись: иногда возрастали, иногда на несколько месяцев оставались одинаковыми. Получатели тоже менялись. В первых квитанциях стояла подпись некоего Л. А. Данилова. Затем появилась печать небольшой управляющей организации. Позднее мать переводила деньги по реквизитам на имя М. Л. Даниловой.

Егор открыл на телефоне калькулятор, сложил несколько последних платежей и перестал считать. Дело было не в деньгах. Даже если за эти годы набежала большая сумма, мать имела право тратить её как угодно.

Станным было другое: она никогда не упоминала эту комнату.

В последние годы Нина Ильинична могла по часу рассказывать об одной и той же соседской собаке. Она помнила, сколько стоит гречка в трёх магазинах, и знала, в какой день меняют почтовые ящики. Но о дополнительной квартире, за которую платила двадцать семь лет, ни разу не сказала ни слова.

Егор осмотрел папку ещё раз. В нижнем кармане нащупал фотографию.

Снимок был любительский, с жёлтым оттенком, характерным для плёнки конца девяностых. На нём стоял мальчик лет шести. Светлые волосы, тёмно-синий свитер с широкой белой полосой, шнурок на левом ботинке развязан. Мальчик смотрел не в объектив, а чуть в сторону, словно его окликнули за секунду до щелчка затвора.

Егор узнал себя сразу.

Свитер помнил тоже. Он колол шею, и мать говорила, что это настоящая шерсть, а значит, придётся потерпеть. На правом рукаве была маленькая дырка от зацепившегося гвоздя. Дырку Егор увидел и на фотографии.

За его спиной находилась дверь. Обычная подъездная дверь с узкой филёнкой, замочной скважиной и прикрученной сверху овальной цифрой.

0.

Егор поднёс фотографию ближе к свету.

Дом был похож на их: плитка на полу, светлая краска до половины стены, чугунные перила. Но он не помнил такой двери. Ему казалось, что внизу, справа от лестницы, всегда был закрытый электрический шкаф с предупреждающей табличкой.

На обороте кто-то написал: «Июль. Егор».

Год не указан.

Егор открыл семейный альбом и нашёл фотографию с то-

го же лета. На ней он сидел на скамейке во дворе с пластмассовым самолётом. Мать стояла рядом и держала его за плечо. Под снимком аккуратным почерком было выведено: «1999».

Егор положил фотографии рядом. Лицо одно и то же. Свитер тоже.

При этом он ничего не помнил о снимке возле двери.

Вспоминать шестилетнее детство по заказу было бессмысленно. От тех лет оставались разрозненные вещи: запах горячего асфальта после дождя, жёлтая машинка с отломанным колесом, боль от содранной коленки. Почему именно это сохранилось в памяти, а целые недели выпадали без следа, он никогда не понимал.

Он сфотографировал квитанции телефоном и набрал номер матери.

Сделал это неосознанно — палец сам нашёл имя в избранном. Только когда автоответчик произнёс, что абонент недоступен, Егор понял, что произошло.

Он сбросил вызов.

Ему захотелось выругаться, но он промолчал. Не из вежливости — просто не знал, на кого злиться.

* * *

В доме было четыре подъезда, по двадцать четыре квартиры в каждом. Егор проверил это ещё до того, как спустился вниз: на доске у лифта висела схема расположения почтовых ящиков. Номера шли подряд, с первого по девяносто шестой. Между ними не было пропусков, а до первого —

ничего.

На лестничной площадке первого этажа пахло сырой штукатуркой и кошачьим кормом. Лифт дёргался где-то наверху, скрежеща старым механизмом. За окном дворник сдвигал мокрые листья к решётке ливнёвки.

Егор остановился перед глухой стеной справа от лестницы.

Здесь и должен был стоять мальчик в синем свитере.

У стены было небольшое углубление, примерно по ширине двери. Место выглядело так, будто когда-то здесь действительно существовал проход, позже заложенный кирпичом. Впрочем, углубление могло остаться и после демонтажа встроенного шкафа. Штукатурка была ровной, свежей, без заметной разницы цвета.

Он отступил на пару шагов и достал фотографию.

Свет падал иначе. На снимке не было металлического короба с кабелями, который теперь проходил под потолком. Зато перила совпадали — редкий узор на чугунных стойках, две продолговатые капли над квадратным основанием.

Совпадала и ступенька. У самого края четвёртой снизу ступени был скол размером с ноготь. Егор опустил на корточки и провёл по нему пальцем. Старый, гладкий, затёртый обувью.

Значит, фотографию сделали здесь.

— Что ищете?

Женский голос прозвучал сзади так неожиданно, что Егор

едва не уронил телефон.

На лестнице стояла соседка с третьего этажа — Лидия Павловна Котова. Он помнил её ещё с детства, хотя и теперь затруднялся определить её возраст. Она носила одинаковые тёмные юбки, никогда не здоровалась первой и знала обо всём, что происходило в доме.

— Добрый день. Я из сорок второй. Егор Ланской.

— Я знаю, кто вы. — Она посмотрела на фотографию в его руке. — Мать похоронили?

Егор кивнул.

— Простите, — сказала соседка. — Я не смогла прийти. Ноги.

Они постояли молча. У Лидии Павловны в пакете звякнули стеклянные банки.

— Вы давно живёте в этом доме? — спросил Егор.

— С семьдесят четвёртого.

— А здесь, под лестницей, раньше была дверь?

Она перевела взгляд на нишу.

— Какая дверь?

— Вроде квартиры. С номером ноль.

— Квартиры с таким номером не бывает.

— Я тоже так думал.

Егор показал снимок. Соседка не сразу взяла его. Поднесла к глазам, отодвинула, попросила дать поближе к окну.

— Это вы, — сказала она.

— Да.

— А вот сюда вы не должны были попадать.

Егор поднял голову.

— Почему?

Она ещё раз взглянула на фотографию и вернула её краями вперёд, осторожно, словно боялась оставить отпечатки.

— Потому что здесь никто не жил, — сказала она. — Никогда.

— Я не говорю, что жил. Я спрашиваю про дверь.

Соседка открыла рот, но на лестнице послышались шаги. С верхнего этажа спускался мужчина с пакетом строительного мусора. Он кивнул Егору, протиснулся между ними и вышел на улицу.

Лидия Павловна дождалась, пока хлопнет подъездная дверь.

— Посмотрите у матери, — сказала она тихо. — Может, ещё что-нибудь осталось.

— Что именно?

— Не знаю.

— Вы же что-то помните.

Она вдруг рассердилась.

— Молодой человек, я вас не задерживаю. И вы меня не задерживайте.

Она направилась к лифту, зажав пакет локтем. Егор собирался пойти следом, но соседка обернулась.

— Только фотографию никому не отдавайте.

Двери лифта сомкнулись между ними.

Егор остался у стены. Он снова посмотрел на номер на фотографии. Не «О», не плохо отпечатанная шестёрка. Ноль.

Он достал связку ключей матери. Среди обычных ключей висел один маленький, латунный, с потемневшей круглой головкой. Ни к одной двери в квартире он не подошёл. Егор носил его с собой с похорон, собираясь когда-нибудь выяснить, от чего он.

Он приложил ключ к стене — просто чтобы проверить масштаб старого замка на фотографии.

В тот же момент за штукатуркой что-то негромко ударило. Егор замер.

Это могло быть отопление. Трубы в доме стучали по ночам, особенно после включения батарей. Он уже открыл рот, чтобы рассмеяться над собой, когда звук повторился.

Два быстрых удара.

Пауза.

Третий.

Егор почувствовал, как холодеют пальцы.

Так он стучал в дверь ванной в детстве, когда мать долго не выходила: два раза сразу и третий — только если она не отвечала. Он не вспоминал эту привычку много лет. Сейчас она вернулась целиком, вместе с материнским раздражённым «Егор, дай хоть умыться».

Он отнял ключ от стены.

Стало тихо.

— Эй, — сказал он негромко. — Кто там?

Лифт остановился где-то наверху. В подъезде щёлкнула лампа с датчиком движения.

Егор уже собирался уйти, когда услышал голос.

Женщина говорила так тихо, что слова терялись в гуле отопления. И всё же одно слово он разобрал отчётливо.

— Егор?

Он прижал ладонь к стене.

— Кто вы?

Ответа не было.

Егор простоял ещё минуту. Потом пошёл к выходу, остановился у двери и оглянулся.

В нише ничего не изменилось. Светлая штукатурка. Металлический короб. Скол на четвёртой ступени.

На пыльном полу у стены он заметил две тонкие параллельные черты — словно кто-то недавно открывал дверь внутрь и нижний край оставил след.

Глава 2. Четвёртая ступень

К утру Егор придумал четыре объяснения стуку и одно — голосу.

Трубы. Лифт. Соседская дверь на первом этаже. Рабочие за стеной, хотя никого из них он не видел. Женский голос мог принадлежать Лидии Павловне, которая зачем-то вернулась и позвала его с лестницы.

Пятое объяснение он не записал. Оно состояло в том, что семнадцать дней после смерти матери — слишком маленький срок, чтобы доверять собственным ушам.

Он записывал объяснения на бумаге, как рабочие гипотезы. Обычно это помогало. Когда в старой записи обнаруживался неизвестный шум, следовало искать его источник, прежде чем делать музыку из случайного треска. Иначе можно было услышать в нём всё что угодно.

К половине десятого на листе появились вопросы.

Почему мать платила за несуществующее помещение?

Кто получал деньги?

Почему на фотографии 1999 года есть дверь, которой сейчас нет?

И зачем Лидия Павловна просила никому не отдавать снимок?

Последний вопрос беспокоил его больше остальных.

На кухне матери всё оставалось на своих местах. Егор сва-

рил кофе, достал из холодильника сыр, посмотрел на дату и выбросил целую упаковку. Потом поставил ноутбук на подоконник и открыл старую фотографию на экране.

Он привык отличать неудачное изображение от испорченного. Следов монтажа не было — во всяком случае, ничего грубого. Плёнка потускнела равномерно. Цифра «0» отображала маленькую тень на краску двери. Даже если номер прикрутили ради шутки, кто-то ради этой шутки должен был найти дверь подходящего размера.

Егор увеличил снимок до предела.

Справа, за его детским плечом, в дверном проёме находилось пятно, которое сначала казалось глубокой тенью. Теперь стали различимы три светлых прямоугольника на противоположной стене, один под другим.

Он снова представил площадку первого этажа. Там была одна лампа под потолком и два распределительных щитка. Никаких прямоугольников.

Егор взял фотографию, квитанции за последние годы и ключ и вышел из квартиры.

* * *

У стены ничего не стучало.

Он проверил, нет ли за нишей технического помещения. По схеме подъезда с другой стороны располагалась лестничная клетка, а за ней — наружная стена. В подвальный коридор вёл отдельный вход из двора. Жилых комнат здесь не было.

Егор провёл ладонью по штукатурке. Она была холодной, немного влажной. Плотная. Ни следов дверной коробки, ни выступов под петли.

Он поставил на ступеньку маленький цифровой рекордер, который использовал для съёмок. Включил запись, выдержал паузу и трижды стукнул по стене костяшками пальцев. Два коротких удара, третий — через секунду.

Звуки получились глухими, как удары по толстому кирпичу.

Он ждал ответа пять минут. Потом ещё пять. Появился сосед с собакой, прошла женщина с коляской, кто-то сверху уронил тяжёлый предмет. Стена молчала.

Егор прослушал запись в наушниках.

Три его удара, скрип лифта, шаги. Никакого шёпота.

Он собирался убрать устройство, когда в подъезд вошёл человек в рабочей куртке с чемоданчиком инструментов. Мужчина остановился у почтовых ящиков, недовольно взглянул на рекордер.

— Протечку ищите?

— Скорее пустоту. Скажите, здесь раньше могла быть дверь?

Рабочий не удивился. Подошёл, постучал по стене рукояткой отвёртки.

— Могла. Дом старый. Ниша под шкаф, проход, мусоропровод — что угодно. Я электрик, мне это не рассказывали.

— А кабели под потолком когда протянули?

— Я здесь с двенадцатого. Уже были.

Егор показал фотографию.

Мужчина присвистнул.

— Ваш дом? Интересно. Смотрите, тут дверка не просто стоит. Видите, порог выше плитки? Если настоящий, то пол внутри на другом уровне. Подвал, может.

Егор увеличил изображение на экране телефона. Под дверью действительно проходила узкая тёмная полоса. Раньше он считал её тенью.

— Можно как-то проверить?

— План БТИ найдите. Или капитальный ремонт. Только планы старых домов, сами понимаете, такое дело: по бумаге одна труба, в стене другая.

Он поднял чемоданчик.

— А что за номер?

— Ноль.

— Удобно, — усмехнулся электрик. — Если что, никто не отвечает.

Он ушёл наверх. Егор записал в блокнот «порог» и «БТИ», а потом заметил, что у входной двери появилась Лидия Павловна.

На этот раз без пакета. В домашнем жилете, с ключами в руке.

— Я думала, вы уехали, — сказала она.

— Ещё нет.

— И зря.

Егор подошёл ближе. Лицо соседки выглядело более усталым, чем накануне.

— Вы меня вчера попросили поискать бумаги. Я нашёл квитанции. За нулевую квартиру мама платила с девяносто девятого года.

Лидия Павловна побледнела настолько заметно, что Егор невольно протянул руку, готовый поддержать её.

— Не надо, — сказала она. — Со мной всё хорошо.

— Вы знаете, за что она платила?

Соседка посмотрела на лестничную площадку и снова на него.

— Нина тогда болела. После того лета она долго не выходила из квартиры.

— После какого лета?

— Девяносто девятого. Вы же сами сказали.

Егор не помнил длительной болезни матери. В июле они ездили в парк, в августе — к её двоюродной сестре под Тверь. По крайней мере, так она рассказывала. В альбоме даже была фотография на даче.

— Чем она болела?

— Я не врач.

— Но вы помните, что с ней было?

Лидия Павловна посмотрела на его лицо с таким выражением, будто обнаружила в нём что-то давно знакомое и нежелательное.

— Егор, вы хороший человек, — сказала она. — Я вас

ещё мальчишкой знала. Вот таким, как на снимке.

— Тогда скажите правду.

— Иногда правду человеку знать нужно. А иногда он думает, что нужно.

Егор почувствовал знакомое раздражение, которое в последние годы испытывал при разговорах с матерью. Мать так же уходила от ответа, когда речь заходила об отце или о детстве. Словно важнее было не ответить, а не дать задать следующий вопрос.

— Кто такой Данилов? — спросил он.

Соседка резко подняла взгляд.

— Где вы слышали эту фамилию?

— На квитанциях.

— Он умер.

— У него была дочь?

— Есть. Марина. Только к ней не ходите.

— Почему?

— Потому что она не отец.

Старуха на этот раз не стала ждать ответа. Открыла тяжёлую дверь и вышла во двор.

* * *

Дома Егор перебрал телефонные книжки матери. Последний бумажный блокнот лежал возле аппарата с большими кнопками. В графе «Д» стояли «Данилов Л.» и телефон, переречёркнутый двумя толстыми линиями. Ниже другой рукой, значительно позже, было добавлено «Марина» и мобильный

номер.

Егор долго смотрел на него. Потом набрал.

Ответили после пятого гудка.

— Слушаю.

— Здравствуйте. Меня зовут Егор Ланской. Я сын Нины Ильиничны Ланской.

На другом конце стало тихо. Потом женщина спросила:

— Нина умерла?

— Да. Девятого октября.

— Ясно.

Она не выразила соболезнований, но и не показалась равнодушной. Скорее услышала то, чего давно ожидала.

— Я разбираю её бумаги. Нашёл квитанции за помещение номер ноль. Переводы вам.

— Вы один?

— Что?

— Сейчас дома кто-нибудь есть?

Егор посмотрел на пустую кухню.

— Нет. А что?

— Ключ нашли?

Он не ответил сразу.

— Какой ключ?

Женщина чуть слышно выдохнула.

— Значит, нашли. Не пробуйте открывать им чужие двери.

— Постойте. Вы получали деньги от моей матери два-

дцать семь лет. Я хочу узнать, за что.

— Не двадцать семь, — сказала она. — Последние пять. До этого получал отец.

Это совпадало с квитанциями. Егор почувствовал невольное облегчение: перед ним был хотя бы один человек, который не говорил загадками.

— Хорошо. За что он получал деньги?

— Давайте встретимся.

— Где?

— Сегодня в половине восьмого. У вашего подъезда. Папку возьмите. И фотографию, если она у вас.

— Откуда вы знаете про фотографию?

Женщина некоторое время молчала.

— Нина всегда говорила, что вы не станете задавать вопросы, — произнесла она наконец.

— Почему?

— Потому что, когда вы были маленьким, однажды уже задали главный. И она не смогла вам ответить.

Связь оборвалась.

Егор положил телефон на стол и только тогда заметил, что всё это время сжимал в пальцах маленький латунный ключ.

На круглой головке, с обратной стороны, под многолетней грязью была выбита крошечная буква.

Он поднёс ключ к окну.

Не буква.

Ноль.

Глава 3. Чужая собственность

К половине восьмого Егор успел пожалеть, что согласился на встречу у подъезда.

Там было слишком много дверей и слишком мало мест, где можно разговаривать спокойно. В стекле входной двери отражались фары проезжавших машин. На первом этаже кто-то жарил рыбу. Лифт поднимался так медленно, что между его остановками успевала наступить тишина.

Егор стоял у почтовых ящиков с тонкой папкой в руке. Оригинальную фотографию он оставил дома, в кухонном шкафу за пакетом с давно просроченным чаем. С собой взял цветную распечатку в натуральную величину, три последние квитанции и лист с вопросами.

Перед выходом он записал номер Марины на отдельную бумажку. Потом сфотографировал содержимое материнской папки и отправил снимки на собственную почту. Ничего особенного в этом не было. Так он поступал со всяким материалом, за сохранность которого отвечал. Но теперь такая предусмотрительность показалась ему чем-то постыдным.

В 19:32 вошла женщина в сером пальто. Она придержала дверь для пожилого мужчины, пропустила его к лифту и только после этого посмотрела на Егора.

— Ланской?

— Да. Марина Львовна?

Она кивнула. На вид ей было около пятидесяти. Волосы собраны сзади, лицо усталое, без косметики, на указательном пальце правой руки — узкая серебряная полоска. Она не походила ни на жилищного мошенника, ни на человека, которому приятно хранить чужие тайны. Скорее на женщину, приехавшую после тяжёлого рабочего дня разбираться с наследством дальних родственников.

— Пойдёмте наверх? — спросил Егор.

— Нет. Лучше здесь.

— Здесь люди ходят.

— Именно.

Она остановилась возле лестницы, посмотрела на глухую нишу и отвела взгляд. Слишком быстро, чтобы Егор успел понять, заметила ли она что-то необычное.

— Вы нашли всё, о чём я спрашивала?

— Смотря что вы имели в виду.

— Документы. Фотографию. Ключ.

— А вы сначала объясните, зачем моей матери понадобилось платить вам каждый месяц.

Марина вынула из сумки прямоугольный конверт. На нём не было ни адреса, ни печати. Только печатными буквами написано: «Ланскому Егору».

— У меня предложение. Оно позволит вам закрыть этот вопрос без дальнейших хлопот.

— Какой вопрос?

— Который вы сейчас пытаетесь решить.

Егор не взял конверт.

— Вы даже не знаете, что я хочу.

— Знаю, — сказала она. — Вы хотите понять, почему Нина вам не рассказала. Но я не могу ответить за неё.

— Тогда ответьте за себя.

Марина сжала конверт между пальцами. В его верхнем углу появилась вмятина.

— Деньги предназначались на содержание помещения. Часть уходила на ремонт. Часть — отцу. После его смерти я принимала платежи, как было договорено.

— Помещения, которого нет?

— Если помещение отсутствует в списке квартир, это ещё не означает, что его не существует.

— Так существует?

— Существовало. В доме раньше была дворницкая. Небольшая комната при лестнице. Потом её присоединили к технической зоне.

Егор впервые получил ответ, который можно было проверить. Он записал слово «дворницкая» в блокнот.

— Когда присоединили?

— Давно.

— До девяносто девятого года или после?

Марина взглянула на него внимательнее.

— Зачем вам именно этот год?

— С него начинаются квитанции.

— Начинаются те, которые сохранила ваша мать.

— А раньше она тоже платила?

— Речь не о расчётах. Послушайте, Егор. В конверте договор о передаче вам документов и о компенсации расходов по уходу за Ниной Ильиничной. Я готова перечислить вам деньги. При условии, что вы отдадите оригиналы всех бумаг, относящихся к помещению, и больше не будете беспокоить людей из-за старой хозяйственной истории.

— Какая сумма?

— Миллион двести тысяч.

Егор невольно рассмеялся. Марина даже не изменилась в лице.

— За старую дворницкую?

— За спокойствие.

— Чьё?

— Прежде всего ваше.

Егор представил материнскую кухню, заваленную коробками, и наклейку с предупреждением на холодильнике. Миллион двести тысяч могли оплатить хороший ремонт, которого она не позволяла делать при жизни. Могли покрыть долги, если такие обнаружатся. Могли просто лежать на счёте. Но он вспомнил, как Марина спросила по телефону про фотографию, ещё не зная, что он её нашёл.

— Почему вас интересует снимок?

— На нём человек, которого не стоит показывать посторонним.

— Какой человек?

— Вы сами.

— И что со мной не так?

Она медленно выдохнула.

— Ничего. В этом и дело.

Егор достал распечатку и протянул ей. Марина посмотрела. Её взгляд остановился на двери, потом на развязанном шнурке мальчика, затем снова на двери.

— Оригинал где?

— В надёжном месте.

— Вы сделали копию.

— Я занимаюсь цифровым восстановлением. Было бы странно, если бы не сделал.

— Не публикуйте снимок.

— Почему?

— Не потому, что это тайна мирового значения, — устало ответила Марина. — Просто ваши детские фотографии не должны становиться темой для чужих развлечений.

Егор забрал лист.

— Допустим. Тогда скажите, кто сделал снимок.

— Не знаю.

— Вы узнали дверь.

— Я знаю дом с детства.

— И знаете, что мать платила за неё двадцать семь лет. И знаете про ключ. И приехали через несколько часов после звонка, чтобы предложить мне миллион. Слишком многое для забытой дворницкой.

Она не спорила. Оттого разговор становился ещё неприятнее.

Входная дверь хлопнула. Мимо прошли двое подростков с пакетами из продуктового магазина. Один бросил взгляд на фотографию в руках Егора, но ничего не сказал. Марина переждала, пока они исчезнут за лестничным поворотом.

— Дайте ключ, — произнесла она.

— С какой стати?

— Посмотрю, он ли это.

— Опишите его.

Марина впервые замешкалась с ответом. Егор заметил, как её взгляд переместился к его правой руке, будто маленький латунный предмет уже лежал на ладони.

— Круглая головка, — сказала она. — Старый сплав. Небольшая отметина.

— Какая?

— С одной стороны выбит ноль.

Егор оставил руку в кармане. Совпадение перестало быть удобным словом.

— От чего он?

— От старого замка.

— Которого здесь больше нет?

— Да.

— Значит, он бесполезен.

— В обычном смысле.

Егор поднял голову.

— А в необычном?

Марина посмотрела на часы. Ей, похоже, стало холодно: она застегнула пальто до верхней пуговицы.

— Я не собираюсь объяснять вам то, чего сама до конца не понимаю. Вашей матери было проще не задавать вопросов. Она знала, к чему это приводит.

— К чему?

— К чужим бедам.

— Моя мать что-то сделала?

Марина резко повернулась к нему. За секунду её спокойствие исчезло.

— Не смейте говорить о ней так, будто вам известно, через что она прошла.

— Я ничего о ней не говорю. Я спрашиваю.

— Вот и спросили.

Они стояли друг против друга, разделённые несколькими плитками пола. Егор вдруг увидел в ней не защитницу старой тайны, а человека, у которого закончились приготовленные ответы.

— Кто был ваш отец? — спросил он уже тише.

— Техник. Позже смотритель дома. Он здесь работал, когда вас ещё не было.

— В каком году умер?

— В двадцать первом.

— И с тех пор вы продолжали собирать деньги. Почему? Если дворницкой давно нет.

Марина опустила глаза на конверт. Потом сунула его обратно в сумку.

— Я поняла. Вы не примете предложение.

— Не приму, пока не узнаю правду.

— Хорошо.

Это «хорошо» прозвучало так буднично, что Егор на мгновение растерялся. Он ожидал угроз, требований, хотя бы новой попытки уговорить.

— Тогда я попрошу только об одном, — продолжила она.

— Не втягивайте в это других жильцов. Они ничего не решали.

— А кто решал?

— Те, кому было что терять.

Она направилась к выходу. Егор поспешил за ней.

— Марина Львовна. Вы же сами попросили меня встретиться. Неужели думали, что я возьму деньги и забуду про фотографию?

У двери она остановилась.

— В детстве вы спрашивали мать о том лете? — неожиданно спросила она.

Егор не понял связи.

— О каком именно?

— О девяносто девятом.

— Мне было шесть. Я почти ничего не помню.

— Значит, она сдержала слово.

У него неприятно сжалось в груди.

— Какое слово?

Марина явно пожалела о вопросе.

— Я не должна была этого говорить.

— Но сказали.

— Не надо искать смысл в каждой моей фразе.

Она толкнула дверь плечом, вышла на улицу и исчезла за припаркованным фургоном. Егор остался с фотографией в руке. Он смотрел сквозь стекло, пока серое пальто не растворилось в потоке людей у перекрёстка.

* * *

Дома он раскрыл свою записную книжку и поставил галочки напротив трёх пунктов.

«Марина подтверждает помещение».

«Возможная бывшая дворницкая».

«Ключ с нулём ей известен».

Четвёртым пунктом он написал: «Она сдержала слово» — и подчеркнул дважды. Марина не заметила, как проговори-лась. Смысл её фразы оставался неясным, но впервые возникло ощущение, что мать не просто избегала болезненных воспоминаний. Она дала кому-то обещание — и выполняла его всю жизнь.

Егор открыл поиск и набрал: «дворницкие в жилых домах Москва 1970». Нашёл несколько фотографий, техническое обсуждение ремонта и старый форум, на котором люди спорили о принадлежности подлестничных помещений. Ничего определённого.

Он хотел закрыть ноутбук, но вспомнил, что Марина ни разу не попросила показать квитанции. Её интересовала только фотография. И ключ.

Телефон завибрировал.

Незнакомый номер прислал короткое сообщение:

«Предложение действительно до конца недели. Не ищите в доме тех, кто мог бы объяснить вам больше. Их здесь нет».

Егор перечитал дважды. Номер не совпадал с тем, по которому он звонил Марине. Возможно, она писала с другого телефона. Возможно, кто-то другой узнал о разговоре. Он сохранил сообщение, не отвечая.

В соседней комнате тихо тикали материнские часы. В квартире было душно, и Егор подошёл к форточке. Внизу, возле контейнерной площадки, дворник поправлял завязанный мешок. Мир продолжал заниматься своими делами.

Егор взял распечатку и пригляделся к дверной ручке. На старом снимке она находилась необычно низко, примерно на уровне плеча шестилетнего ребёнка. Он вдруг вспомнил слова электрика о пороге и полах разной высоты.

Что, если за стеной действительно оставалась комната, а кто-то уже двадцать семь лет не хотел, чтобы её нашли?

Это предположение было гораздо приятнее, чем услышанный вчера голос. Комнату можно измерить. Дверь — установить по планам. Человека, который отправил сообщение, — найти.

Он решил начать с соседей.

Предупреждение Марины его не остановило.

Кто-то в этом доме должен был помнить девяносто девятый год и не бояться говорить о нём.

Глава 4. Два жильца

На следующий день Егор понял, почему мать годами знала всех соседей.

В старом доме сведения не хранились в одном месте. Один человек помнил, когда меняли трубы, другой — кто ругался из-за мусоропровода, третий знал, у кого после приватизации оказалось помещение под лестницей. Официальные объявления снимали через неделю. Чужие обиды оставались на десятилетия.

Егор начал с председателя совета дома, которого мать называла Сергеем Николаевичем, хотя по возрасту тот годился ему в младшие братья. Председатель ответил на третье сообщение и прислал копию перечня общедомового имущества. Подвалы, чердак, машинное отделение лифта, две кладовые для уборочного инвентаря. Никакого нулевого помещения.

«А дворницкая раньше была?» — спросил Егор.

«В старых домах всякое было. Проект смотрите».

«Где?»

«Лучше спросите у Раисы Глебовны из сороковой. Она ещё при старом ЖЭКе работала, только к документам её близко не подпускайте. Она все документы складывает в шкаф и забывает».

Сороковая квартира находилась этажом ниже материнской. На дверном звонке висела бумажка «ЗВОНИТЬ ОДИН

РАЗ». Егор послушался.

Раиса Глебовна открыла не сразу. Ей было за семьдесят, но держалась она прямо и разговаривала как человек, привыкший выдавать распоряжения через окошко бухгалтерии.

— Вы из сорок второй. Сын Нины? Заходите. Только обувь снимите, полы вымыты.

В комнате горела настольная лампа, хотя за окном ещё было светло. На диване лежала стопка районных газет. Раиса Глебовна указала на табурет, сама села напротив.

— Про Нину я знаю, — сказала она. — Лидия рассказала. Сердце у вас как?

— Нормально.

— Это вы сейчас так думаете. Потом догонит.

Егор не стал спорить. Он показал фотографию.

— Узнаёте место?

Раиса Глебовна надела очки, потом вторую пару, с более толстыми стёклами.

— Конечно. Под лестницей. Тут раньше одна жила.

— Кто?

— Не вспомню фамилии. Высокая такая, в очках. С мальчиком. Я думала, она снимала комнату у домоуправления.

Егор достал блокнот.

— В каком году?

— В девяносто девятом. Летом. Я точно помню, потому что у нас тогда сына в армию забирали, он ещё в августе вернулся по здоровью.

— У женщины был сын?

— Не знаю, чей он был. Ходил за ней, держался за подол. Светленький. Лет пяти или шести. Видела раза два, может, три. Она не представлялась.

— Как выглядела комната?

— Вы шутите? Я туда не ходила. Дверь была зелёная, сверху три стеклянные вставки. Когда свет внутри горел, они светились.

Егор поднял взгляд. На его фотографии за плечом мальчика различались три светлых прямоугольника, но они находились на дальней стене, будто отражались в другом стекле.

— У вас что-нибудь сохранилось с того времени? Фотографии подъезда, записи?

— Я же в бухгалтерии работала. У меня счета за сорок лет. Кому нужны — никто не спрашивает. Как ремонт затеют, сразу приходят: Раиса Глебовна, у вас случайно ведомость не завалилась?

Она поднялась и вышла в коридор. Егор слышал, как там открываются дверцы шкафа и один за другим падают на пол тяжёлые полиэтиленовые пакеты.

Через пять минут хозяйка вернулась с коробкой от обуви.

— Вот. Сбор на домофон в девяносто девятом. Мы хотели нормальный, с кодом, как у людей. Сначала согласились все, потом половина передумала.

Внутри лежали квитанции, списки и рукописная ведомость. Бумага пожелтела, но подписи можно было разобрать.

Возле номера 40 стояла фамилия самой Раисы Глебовны. Ниже были 41, 42 — Ланская, 43. Егор перевернул лист.

На обороте мелким почерком, в отдельной строке, значилось: «0 — 60 р. наличными».

— Это за ту комнату? — спросил он.

— А за какую ещё? Деньги принесла сама женщина. Расписалась неразборчиво, а фамилию назвать отказалась. Я ей говорю: без фамилии платежа нет. Она отвечает: тогда считайте добровольным взносом. Я и записала отдельно.

— Могу сфотографировать?

— Только без моей фамилии в интернете.

Егор сделал снимок. На ведомости стояла дата: 22 июля 1999 года.

— А вы уверены, что видели её именно тогда?

— Конечно. Я уезжала к сестре двадцать четвёртого. Вернулась в августе. Так что двадцать второго была точно дома.

— Она выходила из этой двери?

Раиса Глебовна задумалась.

— Видела, как она её закрывала. Причём мальчик был уже внутри. Я ещё сказала: нечего ребёнка держать в кладовой. Она на меня так посмотрела, будто я ей что-то ужасное сказала.

— А потом?

— Потом я уехала. Когда вернулась, дверь была закрыта. Совсем закрыта. Рабочие что-то переделали, я решила, что кончилась самодеятельность.

Егор хотел спросить, не узнала ли она женщину на каком-нибудь более позднем снимке, но заметил, что хозяйка смотрит на него уже с подозрением.

— Зачем вам это? — спросила она.

— Мама платила за эту комнату.

— Нина? — Раиса Глебовна присвистнула. — Вот уж не думала. Она летом девяносто девятого сама еле на ногах держалась.

— Вы её видели больной?

— Видела. Лицо белое, руки тряслись, когда ключ в замок вставляла. Но спрашивать не стала. У каждого бывает своё.

Перед уходом Егор попросил разрешения ещё раз снять ведомость крупным планом. Раиса Глебовна подержала бумагу двумя пальцами, чтобы не загибалась.

— Кто-нибудь ещё помнит дверь?

— Витя Захаров должен. Он тогда по дому с инструментами бегал. Квартира двадцать шесть. Только не верьте ему, если скажет, что тут всегда был порядок. Он этот порядок своими руками наводил.

* * *

Виктор Захаров открыл дверь почти сразу. Мужчина лет шестидесяти с крупными руками, коротко стриженными седыми волосами и следом ожога над запястьем. В прихожей у него стояли рыболовные сапоги, на батарее сушились две варежки, хотя до сильных холодов было ещё далеко.

— Про помещение под лестницей? — переспросил он. —

Было. Конечно, было.

Егор почувствовал облегчение.

— Знаете, кто там жил в девяносто девятом?

— Старик какой-то. Не из наших. Седой, сутулый, чемодан всегда таскал. Он там и спал, насколько я помню. Отец Даниловой его привёл, по знакомству. Я тогда сантехником подрабатывал, подвал обслуживал.

— Один жил?

— Один.

— Без женщины и ребёнка?

Виктор Михайлович нахмурился.

— Какая женщина? Я его сам видел почти каждый вечер. Мужик с бородой, в тёмной жилетке. И всё. Никого при нём не было.

— Раиса Глебовна из сороковой говорит, там жила женщина с мальчиком.

— Раиса вам ещё расскажет, что в подвале атомную станцию построили. Она половину вещей путает.

— У неё сохранилась ведомость. Женщина с мальчиком была двадцать второго июля. И дверь она видела.

Собеседник перестал улыбаться.

— Двадцать второго, говорите?

— Да.

Виктор отвёл глаза. Егор подумал, что тот тоже собирается завершить разговор. Но мужчина неожиданно пригласил его внутрь.

На кухне стоял металлический ящик с инструментами. Виктор достал из буфета пластиковую папку, вынул несколько ветхих листов и разложил на столе.

— Я тогда помогал писать акт по щитовой. Не как официальный член комиссии. Мастер попросил зарисовать, какие автоматы меняли. После возгорания всё было на нервах.

— Какого возгорания?

— В июле. Небольшого. Проводка грелась, потом коротнуло. Полдома без света сидело. Вот отметка: девятнадцатое число.

На листе действительно значилось «19.07.99». Ниже — перечень заменённых деталей, замечания о повреждении изоляции и простая схема кабельного ввода. Внизу подпись Захарова.

— В щитовой кто-то пострадал?

— Не знаю. Говорили, Нину Ланскую с сердцем увезли. Надышалась дымом, что ли.

Егор медленно положил лист.

— А дверь под лестницей?

— После короткого замыкания её замуровали. Так мне сказали.

— Когда?

— Я же говорю, после пожара. Двадцатого, может, двадцать первого. Там с утра до вечера долбили.

Егор открыл на телефоне снимок ведомости.

— Но двадцать второго Раиса получила деньги от женщи-

ны, которая закрывала эту дверь. Вы уверены в дате?

Виктор посмотрел на лист. Потом на телефон. Несколько секунд он молчал.

— Наверное, я ошибся. Когда всё это замуровали, не помню точно. Но старик там был. Его самого я видел. Сколько угодно спорьте.

— Может, комната переходила из рук в руки?

— За два дня? — Виктор усмехнулся без веселья. — Не гостиница же.

Егор хотел задать ещё один вопрос, но мужчина сложил бумаги и направился к двери.

— Не люблю я об этом. Тогда с электричеством столько беды было, а крайних потом искали среди работяг. Извините, если грубо.

Он выпустил Егора в коридор и на прощание сказал:

— Если хотите именно планы, поговорите с Никитиной. Её дядя инженер по дому был. Он и чертежи хранил. Девчонка сейчас сама в архивах работает. Только она вам тоже, может, не обрадуется.

Егор спустился по лестнице пешком. На третьем этаже пахло краской: кто-то обновлял дверь и выставил в общий коридор старую полку. Мальчик лет десяти сидел на полу и приклеивал к картонной коробке бумажные колёса. Он посмотрел на Егора, словно тот мешал работе, а потом снова склонился над своей машиной.

На площадке первого этажа Егор задержался перед глухой

стеной. Только что два человека дали ему показания, противоречившие друг другу. Оба могли ошибаться; оба могли говорить правду. Но простое предположение, что за два дня комнату успели сдать разным жильцам, слишком охотно превращало отсутствие ответа в ответ.

Он набрал Сергея Николаевича, председателя совета дома. Тот ответил недовольным голосом:

— Я вам перечень отправил. Что ещё?

— Мне нужно понять, кто в девяносто девятом оплачивал работы на первом этаже. Не владельца комнаты найти. Просто подрядчика.

— У меня и документов-то с тех лет нет. Жильцы тогда сами собирали. Архив правления появился позднее.

— А в старых протоколах могут сохраниться даты?

— Протоколы у людей по квартирам. Знаете, как у нас? Смена лампочки на собрании обсуждается, а через два месяца никто не помнит, кто купил лампочку.

Он уже собирался попрощаться, но Егор попросил разрешения посмотреть объявления, снятые с доски во время последнего ремонта. Председатель помолчал и назначил встречу через полчаса у подсобки. Сказал, что обещать ничего не будет.

Подсобка оказалась узкой комнатой с раковиной без смесителя. У стены стоял пылесос, на полках — папки и пластиковые ведра. Сергей Николаевич пришёл с ключами и ноутбуком, который разряжался быстрее, чем успевал загружать-

ся.

— Смотрите сами, — сказал он. — Только бумагу не разбрасывайте по одному листу. Потом не соберём.

Они нашли подборку решений за последние двадцать лет. Там были десятки заявлений: жалоба на шум вентилятора, просьба повесить зеркало в лифте, смета на замену доводчика. До девяносто девятого эти документы не доходили. В папке с прежними управляющими организациями обнаружился перечень незакрытых вопросов, переписанный на компьютер уже в двухтысячных.

«Первый этаж, второй подъезд. Сверить сведения по технической нише».

Ни номера, ни даты обращения, ни подписи.

— Кто это написал? — спросил Егор.

— Не знаю. Переписывали из бумажного журнала. Может, бухгалтер, может, инженер. Такие пункты переходят из списка в список, пока не выяснится, что никто уже не помнит, зачем они там.

— Вы сами когда-нибудь видели дверь в этой стене?

— Я в дом переехал в две тысячи шестом. Видел только стену.

Егор достал фотографию и повернул экран так, чтобы председатель мог рассмотреть номер на двери. Сергей Николаевич не потянулся к телефону и не сделал круглых глаз. Посмотрел внимательно, потом указал на нижний край снимка.

— Здесь перила прежние. Наши. Но вы ведь знаете, что фотографии бывают смонтированы?

— Знаю.

— Тогда я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Чтобы вы не говорили потом, будто никаких вопросов не было.

Председатель усмехнулся:

— Это я могу. Зарегистрируйте обращение в совет дома. Я отвечу, что у нас нет сведений. Хоть честно будет.

Егор написал обращение прямо на телефоне. Не стал упоминать голос за стеной. Попросил установить, существует ли в архиве дома акт закрытия технической ниши и кто его подписал. Сергей Николаевич продиктовал адрес для отправки и объяснил, сколько времени уйдёт на ответ.

На улице Егор обнаружил, что ему стало немного спокойнее. Он провёл почти час среди скучных бумаг и ничего не доказал. Но теперь в истории появился хотя бы один вопрос, от которого нельзя было отмахнуться ссылкой на чужую память.

Он посмотрел на снимок ведомости Раисы Глебовны. Женщина помнила двадцать второе июля потому, что собиралась к сестре. Захаров связывал ремонт с пожаром девятнадцатого. Две опоры, ни одна из которых не могла заменить третью — подлинный акт работ. Если он существовал, искать его следовало не в чьём-то испуганном взгляде, а там, где привыкли хранить непонятные старые бумаги.

В квартире матери Егор разложил на столе три предмета: свою фотографию у двери, снимок ведомости Раисы Глебовны и копию акта Захарова.

Все три предмета относились к июлю девяносто девятого и, насколько Егор мог судить, были подлинными. Оба свидетеля описывали дверь под одной и той же лестницей. Но у одного там находилась женщина с ребёнком; у другого — одинокий пожилой мужчина. Первая видела дверь открытой двадцать второго числа. Второй считал, что к тому времени её уже заложили.

Егор попытался составить последовательность событий. Девятнадцатого — короткое замыкание. Двадцатого или двадцать первого — ремонт. Двадцать второго — женщина с мальчиком. Потом исчезновение двери. Ничего невозможного. Мужчина мог уехать, женщина — приехать. Захаров мог перепутать даты, Раиса — людей.

Только один вопрос оставался без ответа: почему никто не знал, кто владел этой комнатой, и оба говорили о её жильцах так уверенно, словно видели их каждый день?

Он открыл фотографию, сделанную в шестилетнем возрасте. Увеличил на экране маленькую овальную цифру над дверью. Она была похожа на ноль на головке ключа — узкий вытянутый овал с чуть неровным нижним краем.

Впервые Егор подумал не о том, что он забыл эту дверь.

Он подумал о том, кто стоял по другую сторону в момент

съёмки.

За окном проехала тяжёлая уборочная машина, и стёкла на кухне едва заметно задрожали. Егор закрыл ноутбук и набрал в поиске имя Софьи Никитиной.

Глава 5. План без комнаты

Софья Никитина ответила не сразу. Сначала она спросила, кто дал Егору номер. Потом — почему он решил, что она занимается именно их домом. Выслушав объяснение про дядю, произнесла:

— Мой дядя умер три года назад. Если вы ищете человека, который подписывал старые акты, то опоздали.

— Мне нужны планы.

— Планы чего?

— Общих помещений. Первый этаж, второй подъезд. Мне сказали, что у него могли сохраниться копии.

— А вы кто?

Егор назвал имя и квартиру. На другом конце некоторое время молчали.

— Ланской, — повторила Софья. — Нина Ильинична вам родственница?

— Мама. Она умерла в октябре.

— Соболезную.

Голос у неё немного изменился. Егор услышал движение бумаг, негромкий стук закрывающегося ящика.

— У меня есть кое-что из дядиного архива. Но заранее предупреждаю: если вы решили, что у вашего подъезда лишняя площадь, на которую можно оформить собственность, я не занимаюсь такими делами.

— Я даже не уверен, что площадь существует.

— Тогда приходите. Сегодня после пяти. И принесите то, из-за чего вы так уверены, что нужно изучать именно первый этаж.

Она продиктовала адрес небольшой мастерской возле Са-вёловской и повесила трубку.

* * *

Офис оказался бывшим производственным помещением на втором этаже здания из красного кирпича. На двери висела табличка «Проектный архив». Внутри стояли большие сканеры, ящики с тубусами и шкафы, на полках которых лежали плоские коробки с чертежами. Пахло бумагой и нагретым пластиком.

Софья встретила Егора у длинного стола. Невысокая, в тёмном свитере, с волосами, собранными карандашом на затылке. Она разговаривала быстро, но слушала внимательно и не перебивала, пока он рассказывал о квитанциях и снимке.

— Вы реставрируете звук? — спросила она, взглянув на его визитку.

— Для документальных фильмов.

— То есть вы знаете, как заставить плохую запись звучать убедительно.

— Знаю, как не сделать этого случайно.

Она чуть улыбнулась.

— Тогда начнём с того, чему оба можем доверять. Не со снимка. С размеров.

Она развернула на столе план первого этажа. Лист был широким, с жёлтыми сгибами. В правом нижнем углу стояла дата: 1984 год. Синяя круглая печать, несколько подписей и рукописная приписка «инв. копия».

— Это рабочая копия, — пояснила Софья. — Она оставалась у дяди после реконструкции инженерных систем. Оригинал должен быть в соответствующем архиве, но я к нему без оформления запроса не имею доступа. У меня сохранилось ещё два листа. Один старше, другой значительно новее.

Егор показал, где находилась ниша.

Софья подвинула настольную лампу, положила на чертёж прозрачную линейку.

— Здесь лестничный марш. Здесь шахта лифта. Это наружная стена. Под лестницей должно быть техническое углубление. Если замеры верные — около метра двадцати по большей стороне.

— А дворницкая?

— У вас не тот тип лестницы. Отдельная дворницкая здесь в исходном проекте не предусмотрена.

— Но сосед помнит комнату.

— Люди помнят очень многое. Особенно когда им показывают фотографию и спрашивают, что на ней изображено.

— Я ещё не показывал вам фотографию.

— Вот и правильно. Сначала посмотрите, что есть на бумаге.

Она раскрыла второй лист. Это оказался поэтажный об-

мер 1998 года, сложенный так, что часть штампа уходила на обратную сторону.

— Здесь уже не всё так просто.

По соседству с лестницей на плане оставался прямоугольник. Он был не заштрихован, как пространство стены, и не подписан, как тамбур или служебный шкаф. Размеры рядом указывали 2,15 и 1,80 метра. Никакого номера помещения.

— Почти четыре квадратных метра, — сказал Егор.

— Да. Только им некуда поместиться.

Она сняла со стеллажа тонкую кальку, наложила на первый план и отметила красным карандашом наружную стену. Затем провела линию от дверного проёма подъезда до края лифтовой шахты.

— Если верить исходному плану и наружным размерам, здесь меньше полутора метров вместе с ограждающими конструкциями. В обмере девяносто восьмого появляется дополнительная ширина — около полуметра, даже если не учитывать толщину стен. Этот объём не вырезан из соседней квартиры и не забран у коридора. Наружная стена остаётся на прежнем месте.

— Ошибка?

— Скорее всего, — ответила Софья. — Но довольно странная. Такие вещи обычно обнаруживают при первой серьёзной проверке. И должна быть исправительная ведомость.

Она достала третий лист, датированный 2003 годом. На

нём прямоугольника уже не было. Возле лестницы стояла пометка «пустота за ограждением».

— Здесь его убрали, — сказал Егор.

— В документации — да. Но посмотрите на цифры. Пролёт не стал шире. Шахта не сдвинулась. Они просто перестали показывать участок, который не могли согласовать с остальными измерениями.

— Это мог быть подлог?

— Для этого нужен мотив. И следы. На моих копиях номера листов идут подряд, бумага соответствует времени, исправлений поверх линий нет. Я не могу гарантировать подлинность без оригиналов, но пока не вижу признаков того, что кто-то вырезал комнату из готового плана.

— А если помещение построили незаконно?

Софья кивнула.

— Это первая версия, которую надо проверять. Но тогда либо меняется геометрия прохода, либо помещение оказывается за пределами наружного контура. Стены не растягиваются от самостроая.

Она наконец протянула руку.

— Покажите снимок.

Егор положил фотографию на стол. Софья наклонилась над ней и молчала дольше, чем он ожидал. Потом взяла лупу, рассмотрела край порога и ножку чугунного ограждения.

— Одна деталь мне не нравится.

— Какая?

— Снаружи нет места, чтобы открыть эту дверь. Если створка открывалась внутрь, за ней должен быть объём. Но тот, что здесь нарисован, не укладывается в план здания. А вот этот рисунок на перилах — он точно из вашего подъезда?

— Я проверял. На четвёртой ступени даже скол тот же.

— Значит, фотографировать могли там. Это ещё не доказывает, что за дверью было помещение жилого назначения.

Она вернула фотографию.

— Кто вам сказал, что здесь была дворницкая?

— Женщина по фамилии Данилова. Её отец следил за домом.

Софья подняла глаза.

— Лев Аркадьевич?

— Вы его знали?

— Видела пару раз. Дядя старался не разговаривать о нём при посторонних.

— Почему?

— Я как раз хотела бы выяснить.

Она подошла к металлическому шкафу, набрала код на маленьком замке и достала узкую папку. На корешке было написано «Дом, Ленинградский район». Внутри лежали письма с печатями и две ксерокопии.

— Когда дядя ушёл с работы, он принёс это домой. Я тогда училась и почти ничего не поняла. После его смерти перебрала архив и решила оставить. Посмотрите.

На одном листе виднелось требование повторного обме-

ра первого этажа. На другом — ответ районного технического отдела: «Отклонения в размерах, указанных в материалах 1998 года, требуют уточнения на месте». Датировались письма февралем 2001 года.

— И что сделали? — спросил Егор.

— Судя по следующему документу, провели проверку. Результат: «Размеры приняты по фактическому состоянию». Без новых чисел. Дядя рассказывал, что после этого уволился не по своей воле. В семье считали, что он допустил ошибку, а начальство переложило на него ответственность.

— Вы считаете иначе?

— Я пока считаю, что документы неполные. — Софья закрыла папку. — И мне не нравится, когда чью-то репутацию ломают одной формулировкой, которую невозможно проверить.

— Вы были с дядей близки? — спросил Егор.

Софья отодвинула папку. Долгое время она смотрела на верхний лист, будто пыталась решить, имеет ли право говорить о человеке, который уже не сможет её поправить.

— Не так, как принято рассказывать после смерти, — ответила она. — Он был трудным. Слишком много исправлял чужие ошибки и мало замечал собственные. Когда я поступала учиться, он мог три часа объяснять, почему нельзя переносить размеры с чернового плана на исполнительный. А спросить, не страшно ли мне на экзамене, забывал.

— Но вы сохранили его документы.

— Не из уважения к каждой его бумаге. Скорее потому, что однажды увидела, как легко у человека отнимают право объясниться.

Она выдвинула нижний ящик и достала небольшой блокнот. Обложка была заломлена у корешка; между страницами лежали две тонкие бумажные закладки. Софья не отдала блокнот Егору, а открыла сама на странице с неровной колонкой чисел.

— В последние годы он почти не говорил об этом доме. Но продолжал возвращаться к замерам. Видите?

В строках были записаны расстояния от стены до лестничного ограждения, от шахты до оконного проёма, рядом — даты и вопросы. Некоторые цифры перечёркнуты, в двух местах стояло «перемерить».

— Значит, он действительно измерял то помещение?

— Или пытался установить, где ошибся. Это не одно и то же.

Софья провела ногтем вдоль поля.

— Самая обидная вещь: дядя не оставил готового заключения. Он считал, что если работа не закончена, её нельзя отдавать как результат. После увольнения люди говорили: «Ну вы же понимаете, почему его убрали». А мне однажды показали один акт с его подписью и предложили сделать о нём вывод. Я тогда послушалась.

— Какой вывод?

— Что он сам виноват. Было проще. Отсутствие объяс-

нения я приняла за доказательство ошибки. Потом увидела другой лист, где тот же размер проверяли повторно и ставили другой знак. И поняла, что понятия не имею, что там происходило.

Егор подумал о Раисе Глебовне, которая называла цвет двери, и Захарове, уверенном в старике с чемоданом. Каждый держал в памяти собственный завершённый рассказ. Самым честным человеком неожиданно оказался тот, кто оставил вопросы на полях.

— Почему вы не передали эти записи в архив?

— Там принимают документы с установленным происхождением. Не всякий блокнот полезен учреждению. А лично мне он мешает считать дядю только несправедливо пострадавшим. Он мог ошибаться. Мог испугаться. Мог что-то скрыть. Я не хочу выбирать одну версию потому, что она удобнее семье.

Она закрыла блокнот и положила его рядом с копиями.

— Вот почему мне нужно самой побывать в вашем подъезде. Проверить точки, на которые он ссылался. Не ради оправдания. Ради того, чтобы понять, где заканчиваются его цифры и начинается наша фантазия.

— Мне кажется, я тоже так хочу, — сказал Егор.

— Пока вам кажется, — заметила Софья без злости. — Когда проверка не подтверждает нашу любимую версию, желание обычно проходит.

Он усмехнулся, хотя улыбаться не хотелось. На столе ле-

жали планы, объяснительные и детская фотография. Если на этом остановиться, можно было сказать, что они потратили вечер на давнюю ошибку обмера. Егор почти надеялся, что так и окажется.

— Я согласен на любые замеры, — сказал он. — Даже если окажется, что фотографии нельзя доверять.

Софья посмотрела на него уже не как на заказчика.

— Тогда у нас, возможно, получится работать вместе.

Егор достал снимок подлестничной стены, сделанный на телефон накануне. Софья сравнила оба изображения.

— Мне нужно измерить это на месте. С лазерной рулеткой и контрольными точками. Ещё проверить, была ли когда-нибудь отдельная дверная коробка в кладке. Только у меня условие.

— Какое?

— Мы не будем заранее называть это загадочной квартирой. Вы будете показывать мне всё, что нашли, в том числе неудобное для вашей версии. Я, со своей стороны, не стану уверять вас, что каждый странный размер — доказательство преступления.

— Согласен.

Она на секунду задержала взгляд на фотографии мальчика.

— А это действительно вы?

— Насколько я могу судить, да.

— И вы не помните, как вас снимали?

— Нет.

Софья аккуратно отодвинула листы, чтобы не придавить фотографию.

— Странно. Но не настолько, как вам кажется. В детстве можно забыть целый месяц.

Егор вспомнил слова Лидии Павловны и не ответил.

* * *

Они вышли из мастерской почти в девять. Софья назначила встречу у его подъезда на следующий вечер. Он предложил оплатить работу, но она отказалась, пока не станет ясно, есть ли вообще работа.

— За измерение стены я денег не беру, — сказала она. — Вот если придётся неделю вытаскивать чертежи из архивных коробок, тогда поговорим.

Егор направился к метро, но на середине улицы остановился и снова достал телефон. В памяти всплыл адрес на первом листе: дом 18, корпус 1. Он открыл карту и проверил форму здания сверху. Прямоугольный корпус, два выступа со стороны двора, обычная послевоенная планировка.

На фотографии со спутника ничто не указывало на лишнюю комнату.

Это почему-то тревожило сильнее, чем если бы там действительно оказался непонятный пристрой.

Дома он снова посмотрел на ту часть стены, где должна была стоять дверь. Потом измерил расстояние между углом лестницы и шахтой лифта рулеткой, найденной в ящике с

инструментами.

Один метр тридцать четыре сантиметра.

Егор записал число. По обмеру 1998 года здесь требовалось разместить помещение шириной метр восемьдесят, не считая стены. Даже если оставить за скобками все строительные допуски, число не сходилось.

Он проверил измерение ещё раз.

Рулетка показала то же самое.

Если старый обмер был верным, комната не помещалась в доме.

Глава 6. Июль девяносто девятого

Ночью Егору приснилась мать.

Она стояла посреди кухни в светлом халате, которого у неё никогда не было, и пыталась налить воду в стакан. Вода не попадала внутрь. Текла по воздуху рядом с его рукой, а мать сердито повторяла, что он опять поставил стакан не туда.

Проснувшись, Егор некоторое время смотрел на потолок. Сон был глупый, почти смешной. Но вместе с ним вернулось забытое чувство: в детстве мать иногда разговаривала с ним так, будто он обязан понимать вещь, о которой она ни разу не рассказывала.

Обычно он думал, что это взрослые привычки. Теперь вспомнил одну из таких фраз.

«Только не уходи без меня».

Мать говорила её, когда он в семь или восемь лет собирался играть во двор. Другие родители просили не заходить за гаражи, не разговаривать с незнакомыми и вернуться к ужину. Нина могла сказать всё это тоже. Но сначала — «не уходи без меня».

Он достал папку с медицинскими документами. Нина Ильинична сохраняла их так же тщательно, как платёжки: анализы, направления, выписки, рецепты. Часть была разложена по датам, часть лежала в большом конверте из плотной

бумаги с адресом районной поликлиники.

На самом дне Егор обнаружил справку из стационара.

Пациентка: Ланская Нина Ильинична.

Дата поступления: 19.07.1999.

Дата выписки: 27.07.1999.

Основные слова в заключении были написаны врачом таким почерком, что Егор различил только «стрессовая реакция» и «вдыхание продуктов горения». Ниже значилось: «рекомендовано наблюдение невролога».

Он перечитал даты. Двадцать второго июля — в день, когда Раиса Глебовна видела женщину с мальчиком у нулевой двери, — мать находилась в больнице.

Это ещё ничего не означало. Раиса не утверждала, что узнала Нину. Наоборот, описывала незнакомую женщину. Но обе истории впервые оказались привязаны не просто к одному лету, а к одним суткам.

Егор сфотографировал справку и позвонил Раисе Глебовне.

— У меня вопрос про ту женщину, — сказал он. — Она была похожа на маму?

— Сколько лет прошло, Егор. Кого я тогда только не видела.

— Хотя бы примерно. Светлые волосы? Тёмные?

— Тёмные, кажется. Вроде коротко стриженная. А может, волосы под платком были. Я теперь боюсь сказать неправильно.

— Могли вы перепутать её с Ниной Ильиничной?
Раиса задумалась.

— Нину я бы узнала. Мы тогда соседями уже столько лет были. Та говорила иначе. И мальчик за неё всё время цеплялся. Нина-то тебя обычно отпускала бегать, пока на площадке играли.

«Тебя», — отметил Егор. Раиса не сомневалась, что он и был мальчиком с фотографии, а значит, могла машинально связать с ним любого светловолосого ребёнка.

— Вы точно запомнили его лицо?

— Нет, — неожиданно честно сказала она. — Он спиной ко мне стоял, когда деньги приносили. Я только затылок видела. Не стану сочинять.

Егор поблагодарил её. Именно этот ответ вызывал доверие сильнее всех подробностей.

* * *

До встречи с Софьей оставалось несколько часов. Егор решил проверить сам пожар, не пытаясь добывать медицинские сведения о посторонних людях. Он связался с управляющей организацией, назвал адрес и попросил сообщить, сохранялись ли акты по авариям инженерных сетей за 1999 год.

Диспетчер сообщила, что организация обслуживает дом сравнительно недавно. В старых архивах могли остаться копии технических актов, но выдавать документы без письменного запроса она не станет.

Он подал обращение через официальный сайт и получил номер заявки. Затем позвонил Виктору Захарову.

— Про девятнадцатое июля ещё раз, — сказал Егор. — Вы тогда были на месте?

— После обеда. Нас вызвали, потому что свет вырубило. Говорят, кабель загорелся. К моему приезду уже потушили.

— Куда дым пошёл?

— В подвал и на лестницу. Вытяжка плохо работала. Вспомнил, как Нину увезли?

— Нашёл её справку. Она восемь дней пролежала в больнице.

Захаров помолчал.

— Значит, серьёзно было. Я её не видел тогда, только слышал от жильцов.

— А детей в подъезде кто-нибудь искал? Было такое?

— Детей? — переспросил тот. — Да у нас в доме каждые выходные кого-нибудь искали. То в прятки залезут, то на крышу полезут. Не могу вам уверенно сказать.

— В акте пожарные указали пострадавших?

— Не видел я их акт. А тот лист, что вам показывал, был для наших электриков. Я там перечислял автоматы и проводку.

Егор извинился и завершил разговор. Пока все отвечали именно так, как отвечают обычные свидетели давних событий: помнили собственную работу, забывали чужие подробности, смешивали слухи с наблюдениями. Он был благода-

рен им хотя бы за то, что они не старались сделать историю интереснее.

Он открыл районную электронную подшивку старых газет. Большинство выпусков за девяносто девятый год сохранились в плохом качестве, но через полчаса нашлась короткая заметка о перебоях электроснабжения в нескольких домах Ленинградского района. Ни слова о людях.

Через ещё час он обнаружил скан сводки коммунальных происшествий, составленной для районного совещания. Напротив их адреса стояло: «19 июля. Короткое замыкание во вводном щите. Локальное возгорание. Пожар ликвидирован силами обслуживающего персонала. Пострадавших нет».

Последние два слова Егор обвёл на распечатке карандашом.

Мать в этот день попала в больницу из-за дыма. Если автор сводки не считал её пострадавшей, значит, либо сообщение составляли до того, как о ней стало известно, либо хозяйственная отчётность жила своей жизнью и к медицинской не имела отношения. В обоих случаях документ был неполон.

Егор поймал себя на том, что уже ищет за противоречием чей-то злой умысел. Захотелось немедленно позвонить в районную администрацию и потребовать фамилию составителя, словно тот обязан был двадцать семь лет помнить каждую неточную строчку.

Егор отложил телефон.

Сначала факты. Потом версии.

* * *

Софья пришла в 18:40 с лазерной рулеткой, складной рейкой и небольшим уровнем в чёрном чехле. Егор встретил её у дверей подъезда. Она посмотрела на лестницу, попросила не отвлекать пять минут и принялась измерять.

Сначала ширину входной группы. Потом расстояние между краем лифтовой шахты и наружной стеной. Затем ширину марша, глубину углубления и толщину видимого простенка.

— Один метр тридцать четыре, — произнесла она, глядя на экран прибора. — Вы правильно измерили.

— А на плане метр восемьдесят.

— На плане ещё и стены есть. С ними расхождение больше. Но я проверю масштаб по контрольным участкам. Иначе мы спорим с неизвестной ошибкой старого чертежа.

Они спустились на несколько ступенек. Софья приложила рейку к сколу на четвёртой и попросила дать фотографию. Долго сравнивала угол ограждения и направление тени.

— Похоже на то же место. Но точный вывод по одной фотографии делать рано. Знаете, что меня беспокоит?

— Что?

— Ваши документы противоречат друг другу не в одной детали. Дверь, размер, даты ремонта. Если это обычный хозяйственный спор, слишком много людей одновременно ошиблись. Если это сознательная подделка, она выполнена бессмысленно: не похоже, чтобы кто-то пытался заработать

на лишних четырёх метрах.

— Марина предложила мне миллион двести тысяч за то, чтобы я перестал спрашивать.

Софья медленно повернулась к нему.

— Вы раньше этого не говорили.

— Мы договорились показывать всё, что нашли. Вот показываю.

— За фотографии и квитанции?

— Да.

— И вы отказались?

— Да.

Она коротко кивнула, но не похвалила его. Снова повернулась к стене.

— Тогда считайте, что у нас есть два разных расследования. Одно про документы и человека, который предлагает вам деньги за молчание. Другое — про старые размеры. Лучше пока не склеивать их в одну легенду.

Егор показал больничную справку.

Софья изучила даты.

— Девятнадцатого был пожар. Двадцать второго у двери видели женщину с ребёнком. Ваша мать в это время находилась в больнице. Значит, Раиса могла видеть кого угодно, но не её — если она не выходила из стационара. Нужно узнать, разрешали ли тогда отлучаться. Хотя медицинские данные — не моя специальность.

— А что ваша специальность?

— Проверять, не выдаёт ли чужая уверенность себя за измерение.

Она протянула Егору рулетку.

— Подержите, пожалуйста.

Он зафиксировал ленту возле плинтуса. Софья присела и внимательно посмотрела на стык пола со стеной. Потом убрала прибор.

— Вот здесь был порог, — сказала она. — След не от краски. Основание под плиткой отличается. Но когда его убрали, по этому месту ходили достаточно долго, чтобы край затёрся.

— Значит, дверь всё-таки стояла?

— Значит, здесь когда-то что-то было закреплено. Дверная коробка — вероятно. Дальше посмотрим.

Софья встала и отряхнула ладони.

— Есть ещё один вопрос. Вы сказали, мать боялась пожаров. Всегда?

— Сколько её помню.

— А до девяносто девятого?

Егор открыл рот и не нашёлся с ответом.

Он помнил мать после того лета. Мать, которая вытаскивала вилку чайника из розетки. Мать, которая каждую ночь проверяла дверь и утром делала вид, будто спала хорошо. А о том, что было раньше, он знал лишь по снимкам и её рассказам.

— Не знаю, — признался он.

Софья сложила инструменты.

— Вот и это запишите отдельно. Не как доказательство. Как вопрос.

Они вышли во двор. Шёл мелкий дождь. На первом этаже снова загорелась лампа с датчиком движения, хотя в подъезд никто не входил.

Егор оглянулся на тёмное стекло двери. Сквозь него была видна лестница и гладкая стена справа.

Ему вдруг пришло в голову, что все эти годы он проходил мимо ниши тысячи раз. Возвращался из школы, ездил на работу, навещал мать, приносил продукты, поднимался наверх после похорон.

Ничего не случилось.

Он коснулся связки ключей в кармане. Маленький латунный ноль упёрся в ладонь.

Может быть, потому и не случилось, что раньше он ни разу не пытался узнать, что скрыто за стеной.

Глава 7. Кассета без даты

Кассету Егор нашёл в коробке из-под обуви, которую собирался отнести к мусоропроводу.

Мать складывала туда вещи без всякой системы: пустую рамку для фотографии, билет на экскурсию в Калугу, три коротких карандаша, узкий футляр от очков. Кассета лежала на самом дне, под пакетом с пуговицами. Прозрачный корпус с двумя белыми катушками. Бумажная наклейка отклеилась от времени; на ней осталось только «Е...» и след от шариковой ручки, будто кто-то передумал писать дальше.

В их доме давно не было кассетного магнитофона. Последний, чёрный двухкассетник, Нина выбросила после ремонта кухни. Егор попытался вспомнить год и не сумел. Кажется, он уже учился в институте.

На работе у него стоял старый аппарат для оцифровки речевых записей. Не музейный предмет — исправная машина, которую приходилось обслуживать чаще, чем хотелось. Егор положил кассету в карман куртки и оставил остальную коробку на кухне.

Всю дорогу до студии его занимал один вопрос: почему мать хранила кассету среди бесполезных вещей, а не вместе с семейными фотографиями? Потом он вспомнил, что в её квартире находили место даже отрезанные пуговицы. Из расположения предметов нельзя было вывести характер

тайны.

В студии пахло нагретой аппаратурой и кофе. В соседней комнате монтажёр сводил фильм об истории городской телефонной связи. Через перегородку доносился одинаковый женский голос, произносивший названия станций. Егор поздоровался с коллегой, попросил не беспокоить его полчаса и закрыл дверь.

Прежде чем вставить кассету, он осмотрел ленту. На краях виднелись следы обычного износа, но плесени не было. Намотка ровная. Корпус недорогой, такие продавали в киосках возле метро. Он аккуратно перемотал ленту карандашом, сделал пробный прогон на низком уровне громкости и запустил оцифровку.

Сначала шёл звук телевизора.

Диктор рассказывал о ремонте дорог; речь тонула в посудном звоне и гуле холодильника. Затем кто-то открыл кран. Послышался металлический удар ложки о край стакана. Женщина сказала:

— Егор, выключи, пожалуйста, в комнате свет.

Мамин голос.

Он узнал его не по тембру — на магнитной ленте верхние частоты почти исчезли, — а по интонации. Мать всегда произносила «пожалуйста» так, словно просьбу уже выполнили и оставалось только проверить.

Издалека ответил ребёнок:

— Сейчас.

Нечёткий голос. Неизвестно, его ли собственный.

Егор остановил воспроизведение, проверил длину дорожки. Сорок две минуты. Судя по уровню шума и неровной записи, кассету включали несколько раз, не особенно следя за началом и концом фрагментов.

Он продолжил слушать.

Радиопередача. Стук отодвигаемого стула. Мать спорит по телефону с мастером, которого не хочет пускать в квартиру после девяти. Потом десять минут почти полной тишины, прерываемой шагами и шипением ленты.

Егор нашёл у себя блокнот. Написал: «Домашняя запись. Дата неизвестна». Подчеркнул «неизвестна». В его работе необходимость указывать источник важнее соблазна угадать его.

Когда первая сторона закончилась, Егор перевернул кассету. Во второй сохранился фрагмент, записанный заметно громче.

Он сразу почувствовал разницу.

Не кухня. Слишком короткий отклик после шагов, но при этом низкий гул держался дольше, чем в маленькой комнате. Кто-то поставил аппарат на твёрдую поверхность. Сухо скрипнула петля. Затем раздался мужской голос:

— Не стойте там. Сюда.

Женщина ответила что-то неразборчивое.

— Я не про деньги говорю, — произнёс мужчина. — Вы меня слышите?

В записи появился высокий свист, как будто микрофон случайно приблизили к электрическому прибору. Егор произвольно убавил громкость.

— Где Егор? — спросила женщина.

Егор выпрямился.

Эта женщина говорила тише матери. Голос был ниже и чуть хриплее. Однако сходство поразило его настолько, что он мысленно представил Нину в прихожей. Ту самую, уже немолодую, с усталым лицом. Только женщина на кассете была явно моложе.

— Вы обещали, — сказала она. — Я пришла, как вы велели. Где он?

Мужчина ответил:

— Не здесь. Сейчас вы ничего не добьётесь.

Послышался удар, чей-то сбивчивый вдох. Женщина повторила имя — один раз, потом снова. Микрофон задела рукой; звук на секунду оборвался. После этого лента продолжала вращаться в пустоте, записывая низкий ровный шум.

Егор дослушал до конца. Перевернул кассету ещё раз. Проверил начало, убедился, что не пропустил ничего между двумя фрагментами.

— Что это у тебя? — спросил монтажёр, заглянувший в дверь.

Егор снял наушники.

— Материнская кассета.

— Поздравление?

— Не похоже.

Коллега хотел сказать что-то ещё, но по лицу Егора понял, что разговор не получится. Закрыл дверь.

* * *

На компьютере можно было творить с голосами вещи, которые обычному слушателю показались бы чудом. Убирать потрескивание, вытягивать шёпот, отделять фон, менять высоту. Егор видел достаточно записей, испорченных такой работой, чтобы не спешить.

Он сделал копию исходного файла. Потом вторую — для экспериментов. На первой оставил всё как было, включая шум ленты и несколько сильных перегрузок.

Начал со звука мужчины. Полностью восстановить слова, скрытые за ударом, было нельзя. Попытки расширить частотный диапазон приносили гладкий, убедительный, но выдуманный голос. Егор выключил обработку. Лучше честная неразборчивость, чем собственные догадки, выдаваемые за чужую речь.

Другое дело — помещение.

Он сравнил короткий хлопок, слышный перед фразой «Не стойте там», со снимками акустических импульсов из материнской квартиры. После ремонта её стены остались на прежних местах. Коридор давал резкое отражение справа. Кухня — характерный звон от плитки. На кассете не было ни одного из этих признаков.

Это ещё не доказывало, что записывали в загадочной ну-

левой комнате. В Москве существовали сотни тысяч помещений, которые тоже звучали иначе.

Зато один звук он распознал сразу.

В глубине записи дважды возникал тихий металлический стук. Двойной, с короткой паузой, после которой слышался низкий скрежет. Егор воспроизвёл его несколько раз. Перенёс рядом запись, которую сделал на телефон перед нишей под лестницей накануне. В том фрагменте слышен был лифт: характерное переключение контактора, а затем протяжный гул электродвигателя. Стук был похож — похож настолько, что хотелось считать его одним и тем же.

Он не стал.

Разные подъезды, разные лифты, одинаковые металлические детали. Сходство звука ничего не решает, пока не известны условия записи.

Егор распечатал спектрограммы двух фрагментов и поставил дату рядом с каждым файлом. Потом позвонил Софье.

— У тебя минут десять найдётся?

— На что именно?

— Послушать кое-что. Не говорить сразу, что думаешь. Просто записать, что слышишь.

— Ты точно звонишь мне? — спросила она. — Обычно люди просят посмотреть чертежи.

— Это тоже связано с домом.

— Тогда вечером. Я ещё на работе.

Он согласился. Его даже порадовало, что собеседник не бросился слушать сенсационную запись немедленно.

Егор вернулся к рабочему проекту, который отложил ради кассеты. В документальном фильме пожилой связист вспоминал, как в детстве слышал голоса по плохо соединённому телефонному кабелю. Режиссёр просил убрать шум и сделать разговор «чуть более внятным, чтобы зритель не пропустил смысл». Егор открыл исходную запись. Часть слов действительно терялась, и с ними исчезали важные подробности чужой жизни.

Он сделал короткую пробную обработку. На слух голос стал яснее, но один звук в конце фразы превратился в другой. Связист будто назвал не ту улицу. Егор отменил эффект и оставил отметку для режиссёра: здесь без субтитров, составленных по проверенной расшифровке, нельзя обещать точность. Потом сам удивился, насколько спокойно сумел вынести такое решение в чужом материале и как трудно было сделать то же с голосом женщины, которая спрашивала о нём.

Монтажёр Саша заглянул за флешкой. Увидел на экране две дорожки и спросил, не старый ли это заказ.

— Личный, — сказал Егор. — Мне нужна одна проверка. Только не слушай слова. Скажи, на одном ли оборудовании записаны оба фрагмента.

— А ты сам?

— Уже слишком много раз их слушал.

Саша сел в кресло, надел наушники, прослушал по двадцать секунд с каждой стороны. Затем попросил повторить начало второй.

— Ничего надёжного не скажу. На первой больше бытового фона, вторая ближе к микрофону. Лента могла быть другой, а могли просто переставить аппарат. Что ты хочешь доказать?

— Что разговор был не в квартире, где записали кухню.

— Ну, может, и не там. А может, кухня была с открытой дверью в прихожую. Ты же звукорежиссёр, зачем тебе моё гадание?

Егор хотел ответить, что для него чужое гадание сейчас дороже любого собственного вывода. Вместо этого попросил ещё одну вещь.

— Если я дам тебе три фрагмента без подписей, сможешь разложить по похожести акустики?

— Смогу. Но скажу сразу: похожесть не означает одинаковое помещение.

— Это мне и нужно услышать.

Он подготовил короткий набор: фрагмент кассеты с металлическим стуком, запись лифта у материнской лестницы и третью — из коридора соседнего здания, где он недавно записывал бытовые шумы для фильма. Подписал файлы буквами, закрыл все окна с названиями источников, передал Саше на другом ноутбуке. Сам отошёл к двери.

После прослушивания Саша поставил рядом записи лиф-

та и чужого коридора. Их басовый гул, по его мнению, больше походил друг на друга. Мамин фрагмент остался отдельно.

— А теперь угадай, — сказал Егор, — какие два я сам собирался объединить.

— Судя по лицу, я тебе всё испортил.

— Наоборот.

Саша встал, вернул наушники и неожиданно серьёзно сказал:

— Смотри, Егор. Когда кто-нибудь хочет услышать в старой записи ответ, всегда найдётся фильтр, который этот ответ нарисует. Не делай этого со своей семьёй.

Егор остался один. Проверка не опровергла сходства: другой слушатель мог расположить фрагменты иначе. Но она показала, какой простой путь существовал от желания к ложной уверенности. Он сохранил протокол опыта с датой и условными обозначениями, поместил рядом с исходниками. В поле «вывод» написал: «Надёжная идентификация помещения по имеющимся данным невозможна».

Он долго смотрел на эту фразу. После слов «Где Егор?» хотелось написать что угодно, только не «невозможна». Он всё же оставил её.

* * *

К вечеру Егор составил три версии.

Первая: мать записала разговор с человеком, который шантажировал её из-за чего-то случившегося в девяносто де-

вятом. Женщина на второй части кассеты — сама Нина, и различия голоса объясняются качеством записи и возрастом.

Вторая: кассету дали матери после какого-то происшествия, а домашний звук она записала поверх части чужой плёнки. Поэтому сохранился случайный разговор о человеке по имени Егор. С таким именем в Москве жили тысячи людей.

Третью он написал не сразу: «Запись сделана возле двери № 0».

Рядом поставил знак вопроса.

Софья пришла после восьми. Уселась на стул у рабочего стола, взяла наушники и попросила не смотреть на неё во время прослушивания. Егор включил только последние четыре минуты.

Она дослушала без выражения. Потом сняла наушники.

— Две женщины? — спросила она.

— На первой стороне мама. На второй не знаю.

— Ты сказал, что не станешь подсказывать.

— Извини.

Софья взяла ручку и записала несколько слов: «Дверь, мужчина, женщина, ребёнка нет. Эхо нестандартное». Затем зачеркнула слово «ребёнка» и написала «говорят об Егоре».

— Я не знаю, кто эти люди, — сказала она. — Но это не похоже на разговор, который ведут спокойно.

Егор показал ей свою запись с лестницы.

— Вот этот стук — слышишь? Иногда он возникает за ни-

шей. Впервые я услышал его до того, как нашёл эту кассету.

— Ты искал там стук, потому что уже думал о двери. А на кассете он может принадлежать совсем другому предмету.

— Знаю.

— Тогда зачем мне это показывать?

— Потому что я перестал доверять тому, что слышу.

Софья не ответила сразу.

— У тебя сохранился файл без обработки?

Он показал исходник, указал контрольную сумму и время записи.

— Хорошо. Пошли мне копию. И не называй её «записью из нулевой комнаты». Назови «неизвестная кассета». Иначе завтра сам начнёшь слышать то, чего там нет.

Они вышли из студии вместе. Ветер гнал по тротуару мокрые листья, машины медленно двигались вдоль трамвайных путей. Возле перехода Софья остановилась.

— Ты уверен, что хочешь всё это знать?

— Нет.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Тогда хотя бы не путай страх с доказательством.

Егор кивнул. Он подумал о матери, которая двадцать семь лет хранила в обувной коробке чужой голос, спрашивающий, где её сын.

Отчего-то его теперь пугал не сам голос.

А то, что мать эту кассету не уничтожила.

Глава 8. Смотритель

На следующий день Егор позвонил в банк, которым мать пользовалась последние пятнадцать лет.

Он успел сформулировать вопрос трижды, прежде чем оператор объяснила, что разговор о чужом счёте невозможен. Свидетельство о смерти не делает человека владельцем денег умершего. Нужны нотариальные документы, а если требуются сведения о давних операциях — ещё и отдельный запрос.

Егор извинился и положил трубку. Он не любил, когда его уверенность в собственной правоте давала повод обойти обычные правила. Мать умерла. Но её банковская тайна не превратилась от этого в его личную собственность.

Он решил начать с того, что имел законно: с бумажной папки. На столе появились три стопки. В первую легли документы с подписью Л. А. Данилова. Во вторую — листки с печатью организации «Домсервис-Север». В третью — банковские переводы на имя М. Л. Даниловой.

Егор составил таблицу: дата, сумма, получатель, назначение, подпись. Никаких выводов. Только то, что можно подтвердить глазами.

На квитанции от ноября 1999 года стояла подпись Данилова и сумма, записанная прописью. В графе «получено за» мать вывела: «Обслуживание комнаты». Ни домового номе-

ра, ни адреса. Позднее название стало официальнее: «Содержание помещения № 0», хотя платёжные бланки по-прежнему печатались отдельно от общедомовых счетов.

В феврале 2008 года возникла компания. Её печать содержала полный адрес офиса и ИНН. Егор проверил сведения в открытом реестре юридических лиц. Небольшая фирма, зарегистрированная в САО, с видом деятельности «Управление недвижимым имуществом». Учредитель и руководитель — Лев Аркадьевич Данилов. Компания ликвидирована в 2016 году.

Егор вычеркнул из списка версию о платеже за коммунальную услугу. Хотя бы в том смысле, в каком мать платила за отопление и воду. По официальной выписке управляющей организации их дом никогда не обслуживался «Домсервисом-Севером». Решения общего собрания, договора управления и тарифа там не было.

Оставались частные расчёты.

Он позвонил в домовый совет. Председатель попросил прислать название компании, проверил и ответил через десять минут.

«Это не наша УК. Такой фирмы в документах дома не вижу».

Егор напечатал вопрос: «Могли они иметь в собственности помещение первого этажа?»

Ответ пришёл почти сразу: «Теоретически. Но в выписке общедомовых помещений такой комнаты нет. Права на чу-

жую частную недвижимость я вам не подтверждаю».

Разумный ответ. Ничего необычного.

* * *

После обеда Егор поехал в нотариальную контору, где оформлял наследство. Нотариус, женщина с короткой стрижкой, выслушала его, посмотрела копии квитанций и сказала:

— Права на счёт мы установим в рамках дела. Но вы просите не просто сведения о наследстве. Вы просите восстановить историю платежей за двадцать семь лет. У банка нет обязанности делать такую работу на основании вашего любопытства.

— Я не знаю, есть ли у матери обязательства перед получателями.

— Тогда просите предоставить договор. У кого?

— У дочери получателя. Она предлагает мне деньги за документы.

Нотариус подняла глаза.

— Вам предлагают деньги за право не разговаривать?

— Примерно так.

— Ничего не подписывайте без проверки содержания. И оригиналы бумаг не передавайте. Это уже не вопрос к наследственному праву, по крайней мере пока.

Она предложила обратиться за консультацией к адвокату, если Марина повторит предложение. Егор записал фамилию и номер, поблагодарил и вышел.

На улице моросил дождь. На остановке женщина держала под курткой небольшую собаку, которая выглядывала из воротника и негромко скулила. Егор смотрел на неё дольше, чем следовало. Ему хотелось вернуться в обычный день, где главная трудность — вовремя приехать к нотариусу.

Вместо этого он достал телефон и набрал Марине сообщение:

«Прошу предоставить копию договора, на основании которого моя мать перечисляла деньги за помещение № 0. И сведения о том, что именно обслуживалось».

Она ответила через три минуты:

«Считайте, что договор прекращён. Вашей матери больше нет. Платежей от вас не требуется».

Егор перечитал эти строки.

От платежей его освободили слишком легко.

«Тогда верните оригиналы документов, которые подтверждают право на помещение», — написал он.

На этот раз ответа не было.

* * *

Лидия Павловна открыла дверь только после третьего звонка. На ней был тёплый кардиган, в руках — полотенце. Она узнала Егора и не пригласила внутрь.

— Я ненадолго, — сказал он. — Вы помните Льва Аркадьевича Данилова?

Она сжала полотенце.

— Помню.

— Он был зрителем?

— Кто вам сказал?

— Марина Данилова. Его дочь.

Лидия посмотрела в сторону лестницы.

— Лев здесь присматривал за хозяйством. То лампочки, то подвал. Не знаю, как это называлось официально.

— Он здесь жил?

— Нет. Приходил. Иногда ночью.

— Вы видели, как он открывал дверь под лестницей?

— Я видела, как он стоял возле стены.

— В какой год?

— Когда ещё Нина не боялась выходить из квартиры без ключей в руке.

Егор не сразу понял эту странную меру времени.

— До пожара?

— После. — Лидия раздражённо поправила полотенце. — Вы спрашиваете так, будто хотите загнать меня в протокол. Мне восемьдесят лет. Я могу перепутать день. Но кое-что помню хорошо.

— Что именно?

— Нина тогда пришла ко мне и попросила передать Льву записку. Не звонить ему. Не оставлять возле ящика. В руки.

— И вы передали?

Лидия кивнула.

— Там было написано что-нибудь?

— Конверт был закрыт.

— Вы не спрашивали, почему нельзя позвонить?

— Спросила. Она сказала, что по телефону он может не ответить. А если я увижу его, должна сказать только два слова: «Она согласна».

Егор почувствовал, как изменилось его дыхание. Нина не просто платила кому-то за помещение. Она на что-то соглашалась.

— На что?

— Этого мне не сказали.

— Вы считаете, что это было связано с комнатой?

— Вы хотите, чтобы я за вас придумала ответ?

— Нет.

Она посмотрела на него без прежней резкости.

— Правильно.

Лидия уже собиралась закрыть дверь, когда Егор спросил:

— А Данилов когда умер?

— Пару лет назад. Может, больше. Его дочь приходила после похорон.

Они помолчали.

— Лидия Павловна, почему вы не рассказывали об этом раньше?

— Потому что Нина просила молчать. И потому что некоторые вещи, когда долго о них молчишь, начинают казаться не чужим делом, а своим.

— А теперь?

— Теперь её нет. А вы спрашиваете. Я не знаю, что хуже.

Дверь закрылась негромко.

* * *

В тот же день, ещё до вечера, Егор зашёл к управляющему домом. Не к председателю совета, с которым переписывался, а к человеку, отвечавшему за заявки на ремонт. Кабинет помещался на первом этаже соседнего здания, где раньше располагалась прачечная. На стене висела схема эвакуации, напечатанная в этом году.

Управляющего звали Андрей Михайлович. Он предложил Егору стул, выслушал историю с платежами и сразу предупредил, что не имеет права подтверждать собственность по фотографиям.

— Я не прошу подтверждать, — сказал Егор. — Мне нужно знать, меняли ли вы когда-нибудь план первого этажа.

— В каком смысле?

Егор положил на стол распечатку БТИ, указал нишу между маршами и спросил, может ли за ней находиться техническое помещение.

Андрей Михайлович надел очки и долго рассматривал лист. Потом открыл папку с последними актами ремонта.

— Здесь пустота. Мы считали, что стена несущая. На плане нет двери. И в журнале обслуживания нет отдельного помещения.

— А если там раньше была кладовая?

— Тогда должен быть след в инвентаризации, а не только в рассказах жильцов. Вы уже спрашивали, я вижу.

— Мне предлагают деньги за прекращение вопросов.

Управляющий снял очки. Он не стал интересоваться суммой.

— Тогда всё, что я могу посоветовать, — храните переписку и не подписывайте ничего в одиночку. По части стены я могу дать письменный ответ: доступ к отдельному помещению управляющей организацией не осуществляется. Но не могу написать, что помещения вообще нет. У меня нет таких полномочий.

Егор оценил эту осторожность. В прежние дни его раздражало бы, что люди постоянно сужают ответы. Теперь он сам начал задавать вопросы так, чтобы на них можно было отвечать без догадок.

Андрей Михайлович вышел с ним в подъезд. У нижней площадки задержался и постучал по стене костяшками пальцев. Стена отозвалась глухим стуком.

— Можно простучать, вызвать специалиста, сделать инструментальное обследование. Но по звуку не строят заключения. И стены без проекта не вскрывают.

— А когда последний раз делали капитальный ремонт?

— Официально — в две тысячи семнадцатом. До этого были отдельные работы. Часть документов девяностых хранится на бумаге. Некоторые вообще не передали.

Егор показал старую фотографию. Управляющий разглядывал её без удивления.

— Похоже на наш подъезд. Но вот эта проводка иначе

идёт. Может, снято до ремонта, может, на другом этаже. Я не эксперт.

— А нулевая квартира?

— Такие номера иногда давали служебным помещениям во внутренних журналах. Но это не юридический адрес. У нас сейчас один подвал, одна колясочная и электрощитовая. Больше ничего по описи.

Он вернул снимок и поправил край свежего объявления на стенде. В нём просили жильцов не оставлять старую мебель на лестнице.

— Я вам кое-что скажу, — добавил он. — Ко мне три года назад приходила женщина и просила не трогать нишу при косметическом ремонте. Сказала, за штукатуркой старая электрика, опасно. Я проверил заявку: фамилия Ланская. Это была ваша мама?

Егор почувствовал, как похолодели руки.

— Скорее всего. У вас сохранился её текст?

— В электронной системе должна быть карточка. Но обещать не буду. Иногда старые обращения переносили только частично. Напишите запрос, дам то, что смогу подтвердить.

Управляющий не спросил, почему Егору так важны слова умершей женщины. Сам он воспринимал обращение как одну из сотен просьб жильцов — запретить шумные работы, заменить лампу, починить перила.

Выйдя на улицу, Егор записал дату и должность собеседника. Он не стал дописывать в заметках: «Мама знала о две-

ри». Это уже было очевидной для него версией, но новая заявка подтверждала только одно: Нина целенаправленно следила за участком стены.

Он посмотрел на снимок с портретом матери на заставке телефона. Она улыбалась на нём у дачной калитки, в руках держала пластиковую лейку. Могла ли женщина, которая боялась перегрева розеток, действительно заботиться о старой проводке? Да. Могла ли использовать страх перед проводкой как предлог не трогать стену? Тоже да.

Егор убрал телефон. Вечером он собирался проверить документы фирмы, указанной в квитанциях. Теперь у него был ещё один вопрос — кто и по чьей просьбе обслуживал место, которого не было в официальной описи.

* * *

Вечером Егор проследил судьбу фирмы Данилова по открытым документам. «Домсервис-Север» закрыли после налоговых претензий. Незадолго до этого адрес регистрации сменили с нежилого помещения на квартиру самого Данилова. В документах фигурировали одни и те же две фамилии: Данилов и Данилова.

Никакого права на нулевую комнату фирма не имела — по крайней мере, Егор не нашёл такого в доступных сведениях. Но отсутствие записи в реестре не означало, что никто не мог брать плату за услугу, существовавшую фактически. Можно было платить за хранение, за охрану, за доступ. Или за молчание.

Он открыл письмо Марины с предложением миллиона двухсот тысяч. Там требовалось передать документы и не тревожить жильцов. Квитанции при этом объявлялись ненужными. Если платежи прекращались со смертью матери, за что Марина собиралась платить ему?

Ответ был неприятно прост: не за продолжение услуги, а за прекращение вопросов.

Егор вернулся к бумажной папке. Под последним разделителем обнаружился тонкий белый лист. Он зацепился за картон и не вышел вместе с остальными документами.

На листе было два предложения, напечатанных на старом принтере:

«Получение средств подтверждаю. Условия, согласованные 29.07.1999, остаются в силе».

Ниже — подпись Л. А. Данилова. И маленькая приписка материнским почерком: «Копию не отдавать».

Егор перечитал дату. Двадцать девятое июля. Через два дня после выписки матери из больницы.

Что именно она согласилась делать после восьми суток в стационаре? Почему письменные условия появились только осенью? И отчего все последующие двадцать семь лет никто не счёл возможным их прекратить?

Он положил белый лист рядом с кассетой.

Теперь у него было не одно дело, а два.

Первое касалось стены и комнаты, которая, возможно, никогда не существовала.

Второе — людей, которые точно существовали и двадцать семь лет получали деньги за обещание, данное женщиной сразу после пожара.

Второе расследование пока казалось куда страшнее первого.

Глава 9. Неправильная лестница

Софья попросила принести не фотографию, а всю плёнку, если она сохранилась.

Егор снова перебрал материнский буфет. В одном конверте лежали два отпечатка с его школьного выпускного, в другом — случайные снимки из Анапы. Плёнок не было. Он уже собирался написать Софье, что поиски окончены, когда вспомнил про семейный альбом.

На последней странице мать хранила пустые прозрачные карманы. В один была вставлена полоска негатива на четыре кадра, почти незаметная между листами. Первый кадр — двор. Второй — женщина на скамейке. Третий — мальчик у двери с нулём. Четвёртый — тёмная лестничная площадка без людей.

Егор узнал не сами изображения, а последовательность. Он помнил первую фотографию из детства: возле гаражей стояла синяя машина, перед которой он держал пластмассовый самолёт. Она была на соседней странице альбома. Значит, снимок у нулевой двери не подбросили в папку много лет спустя. По крайней мере, его негатив находился среди семейных вещей.

В мастерской Софья положила полоску на световой стол и включила подсветку.

— Хорошо, что не пытался отмыть, — сказала она. — Ес-

ли пальцами тереть эмульсию, можно снять часть изображения.

Она оцифровала все четыре кадра без автоматической ретуши. Пока сканер двигал лампу, Егор смотрел на голубоватый квадрат окна. На четвёртом снимке проступали очертания стены, которой сейчас уже не было или которая никогда не стояла на прежнем месте.

Софья повернула монитор к нему.

— Что ты замечаешь?

— На третьем есть дверь. На четвёртом — та же площадка.

— Ещё.

Он увеличил изображение. За открытой дверью на третьем кадре виднелись три узких светлых прямоугольника — те самые, которые он заметил по бумажному отпечатку. Теперь было ясно, что это не отражения на стекле. Они находились на поверхности внутри помещения, чуть левее центра.

На четвёртом кадре, сделанном примерно с того же расстояния, дверь была уже закрыта. Но вдоль её нижнего края виднелась тёмная полоса, похожая на высокий порог. На обоих снимках в проёме проступала узкая светлая плитка с косой серой линией, будто через неё проходила трещина.

— Плитка? — спросил Егор.

— Возможно. Но посмотри на наш обмер. На площадке в девяносто девятом был другой пол. Это видно даже по фотографиям после ремонта. Здесь крупная квадратная кера-

мика, а внутри — узкие прямоугольные элементы. Разный материал в двух помещениях не сенсация.

— Если за дверью действительно помещение.

— Именно.

Софья достала из ящика конверт, который Егор раньше у неё не видел.

— Я нашла в бумагах дяди ещё несколько снимков дома. Он фотографировал дефекты для актов: щиты, водостоки, трубы, иногда лестницу. На одной карточке — странный фрагмент.

Она положила рядом фотографию без даты. На ней был угол лестничной клетки. Красно-коричневый поручень, две знакомые чугунные стойки, светлый прямоугольный пол. Видимой двери не было. Но у стены находилась керамическая полоска с косой серой линией — точно такой же, как за дверью на материнском снимке.

— Это наш подъезд? — спросил Егор.

— Дядя подписал сзади: «18/1, подъезд два». Но он мог ошибиться. Есть вещи, которые мне не нравятся: другой цвет нижней части стены и дополнительная решётка вентиляции. Я проверила списки ремонтов до девяносто девятого. Такой решётки в наших актах нет.

— Можно было переделать без акта.

— Можно.

— И перекрасить стены.

— Можно.

Она подвинула карточку ближе к свету.

— А вот этот кусок поручня на фотографии находится слева от лифта. У нас поручень там всегда был справа. Иначе марш должен был бы идти в противоположную сторону.

Егор посмотрел на фото. Действительно: рисунок стоек повторялся, скол на четвёртой ступени тоже. Только поворот лестницы выглядел неправильным. Он открыл снимок на телефоне и отразил его по горизонтали. Тогда поручень занял привычное место, но надпись на коробе электропроводки оказалась зеркальной.

— Может, негатив отпечатали зеркально, — сказал он.

— Можно проверить по надписям и теням. В рабочем скане я это сделала. Не сходится. Хотя нужно найти оригинальный негатив, а не делать выводы по бумаге.

— Откуда фотография у твоего дяди?

— Не знаю. И не хочу пока приписывать ему тайные знания. Он собирал всё, что касалось здания. Мог взять у подрядчика, мог получить с актом. На обороте нет ни фамилии, ни даты.

Софья замолчала, затем открыла на мониторе кадр с маленьким Егором.

— Ты говорил, что мать в июле девяносто девятого лежала в больнице. Кто тогда тебя снимал?

— Не знаю.

— На первом кадре альбома она стоит рядом с тобой. Кто держит камеру?

Егор вспомнил скамейку, пластмассовый самолёт и материнскую ладонь на своём плече. Самого фотографа память не сохранила.

— Наверное, сосед.

— Наверное, — повторила Софья. — Но «наверное» нельзя записывать как фамилию.

* * *

Софья не стала сразу звонить Захарову. Она попросила Егора оставить скан на экране и выключила в мастерской верхний свет. Лампа над столом освещала только негативы, разложенные по прозрачным карманам.

— Посмотри ещё раз на третью фотографию, — сказала она. — Только забудь на минуту о двери.

Егор наклонился. В нижнем углу кадра виднелся край чужого пальто. По плитке шла тёмная полоса от воды, на стене висела коробка пожарного оповещателя. Пальто принадлежало человеку за пределами снимка. Коробка, вероятно, оставалась в подъезде и сегодня. Он раньше не замечал ни того ни другого.

— Что это даст?

— Возможно, ничего. Но если мы будем сравнивать только дверь, любое отличие станет для нас доказательством, а любое совпадение — помехой.

Софья распечатала увеличенные изображения и закрыла белой полоской тот участок, где находился проём. На двух листах остались лестничные марши, перила, потемневшая

штукатурка. Егор с удивлением обнаружил, что ступени на фотографиях освещены с разных сторон.

— Один снимок сделан утром, другой ближе к вечеру, — предположил он.

— В этом подъезде нет окна прямо напротив площадки. Свет мог идти от лампы. Или от вспышки. Вот почему я не стала считать направление теней временем суток.

Она отодвинула лист. На кадре с дверью у стены стояла низкая скамья, будто кто-то ждал, пока закончат ремонт. На другом кадре её не было. Вместо скамьи виднелось металлическое ведро. Такие мелочи могли появиться и исчезнуть за час.

Егор вынул из кармана телефон и показал снимок, сделанный вчера. На современной стене место бывшей скамьи занимала коляска, оставленная кем-то из жильцов.

— Если мы докажем, что кадры одного дня...

— Тогда докажем только то, что в один день фотограф увидел разные состояния площадки. Мы ещё не знаем, с какого расстояния снято, как менялась точка съёмки и кто держал аппарат.

— Ты не боишься всё объяснить до того, как найдёшь ответ?

Софья опустила негатив в конверт.

— Я боюсь понравившегося ответа. С ним легче ошибиться.

Они поехали в небольшую мастерскую возле Савёловско-

го вокзала. Её владелец, пожилой фотограф Виктор Леонидович, печатал снимки для реставраторов и собирал старые увеличители. Софья заранее договорилась, что он оценит состояние плёнки, а не будет искать на ней загадочные предметы.

— Мне не нужна история, — сказал фотограф, надевая очки. — Истории я уже двадцать лет слушаю. Показывайте материал.

Он рассматривал полоску через лупу, затем внимательно проверил её боковой край. Возле кадра с Егором оказалась потёрта перфорация. На двух кадрах заметно различалась плотность изображения, но это ещё ничего не означало: автоматическая экспозиция могла изменить выдержку между соседними снимками.

— Склейка? — спросил Егор.

— Я её не вижу. Но утверждать, что никогда не было обработки, по одному фрагменту плёнки нельзя. Я вижу непрерывность эмульсии там, где она сохранилась. И вижу царапину, проходящую через границу кадров.

Виктор Леонидович попросил лист бумаги и нарисовал две полоски. На первой царапина обрывалась и начиналась заново; на второй продолжалась. Он объяснил, что такое повреждение могло появиться при перемотке, когда вся плёнка ещё была целой. Но оно не говорило, что изображённые пространства были одинаковыми.

— Может быть, монтаж при печати? — спросила Софья.

— Здесь вы смотрите негатив. Если кто-то монтировал, ему пришлось бы делать это до проявки или переснимать готовую картинку. Не вижу следов, но я не эксперт по судебным подделкам. Моё мнение так и запишите — частная консультация.

Егор испытал раздражение и облегчение одновременно. Ему впервые встретился человек, который не пытался объяснить дверь, хотя мог бы легко заработать на загадке.

На выходе фотограф догнал их у лестницы.

— Забыл спросить: вы знаете, почему на одной из фотографий тень у самого порога такая резкая?

Егор уже приготовился услышать окончательное объяснение.

— Потому что там мог стоять дополнительный свет. Или потому что открывали дверь и светили изнутри. По негативу я не различу.

Он пожал плечами, словно не сказал ничего важного, и вернулся в мастерскую.

На улице Софья занесла его слова в файл. Рядом с каждой версией поставила имя человека, который мог её подтвердить или опровергнуть. Для части строк оставила пустые клетки.

— У нас стало больше вопросов, — сказал Егор.

— Зато теперь мы знаем, какие вопросы настоящие.

Он посмотрел на полоску негативов в прозрачном пакете. Впервые дверь на снимке показалась ему не приглашением,

а чужим свидетельством, с которым нужно обращаться бережно. Кто-то стоял на этой площадке двадцать семь лет назад. Кто-то видел происходившее и нажал кнопку фотоаппарата. Даже если сам не понимал, что снял.

Егор попросил Софью сохранить исходные файлы отдельно от обработанных изображений. Она кивнула: уже сделала. Он не спросил, откуда у неё привычка опережать его беспокойство.

* * *

Они решили показать старую карточку Захарову. Егор со звонился с Захаровым, и тот согласился зайти в мастерскую на двадцать минут после работы.

Захаров долго разглядывал фотографию, снимал и снова надевал очки. Потом сказал:

— Если это второй подъезд, у нас раньше не так стоял щиток.

— А если первый? — спросила Софья.

— В первом перила другие. Там их ещё в восемьдесят четвёртом меняли.

— Значит, фотография неверно подписана?

— Не знаю, девушка. Видел я в жизни столько подъездов, что у всех одно лицо. Но вот эту вентиляционную решётку у нас точно не ставили. Мне бы запомнилось, электрики из-за неё кабели переносили бы.

Егор показал ему кадр с дверью.

— А здесь?

Захаров нахмурился.

— Это что, ваша мать фотографировала?

— Не знаю.

Мужчина несколько секунд смотрел на снимок, затем отодвинул его.

— Я тогда, в девяносто девятом, зашёл в этот подъезд по вызову. Двери не видел. Но на площадке стоял человек с фотоаппаратом. Молодой. Я решил, что из страховой.

— Вы раньше не говорили.

— Меня спрашивали про проводку, — резко ответил Захаров. — Я про проводку и говорил. А теперь вы хотите, чтобы я помнил каждого встречного.

Егор почувствовал, что задел человека зря. Он извинился.

— Вы узнаете фотографа?

— Нет. Он боком стоял. Камера висела на шее. Но пиджак серый помню. Летом такие редко носили. Жарко было.

После ухода Захарова Софья ещё раз проверила исходные сканы. На одном кадре, в отражении стеклянной двери подъезда, действительно проступал силуэт человека с ремнём на шее. Лица было не разглядеть. Пиджак мог быть серым, а мог казаться таким из-за старой плёнки.

— Мы не можем утверждать, что он снял все четыре кадра, — сказала Софья. — Зато известно, что снимки сделаны на одной плёнке. И по крайней мере один человек с камерой тогда был на месте.

Егор кивнул. Ему хотелось немедленно искать этого чело-

века, хотя даже пол и возраст свидетеля оставались приближительными.

На выходе Софья протянула ему распечатку двух лестниц рядом.

— Смотри не на дверь, — сказала она. — Смотри на то, что вокруг неё. Если когда-нибудь удастся увидеть её снова, нужна не красивая фотография, а измерения.

Вечером он долго стоял перед нишей, держа в кармане латунный ключ. На стене отражались красные огни машины, проехавшей мимо подъезда. Свет стекал по свежей штукатурке ровно, без тени от дверной коробки.

Егор мысленно наложил на стену сразу две фотографии. Правильную лестницу и неправильную.

Разница между ними была небольшой. Достаточно небольшой, чтобы назвать её неточным воспоминанием, ошибкой печати, чужим подъездом.

Но не настолько небольшой, чтобы перестать замечать её теперь.

Глава 10. Свет из стены

В четверг вечером Егор пришёл в подъезд с рулеткой, малярной лентой и старым фотоаппаратом на ремне.

Он не собирался открывать дверь. По крайней мере, именно это сказал себе, когда выходил из материнской квартиры. Нужно было всего лишь снять стену без искажений, зафиксировать точку съёмки и показать Софье новые кадры.

Под лестницей стояла оставленная кем-то коробка с картоном. Егор отодвинул её, поставил рюкзак на сухую ступеньку и приклеил к полу две маленькие полоски ленты. Одну — у угла, вторую — там, где должен был быть прежний порог. Снял общий план, затем крупно — скол на четвёртой ступени и место, где стены образовывали неглубокое углубление.

На фотографии из альбома замочная скважина располагалась ниже, чем он сперва подумал. Ручка была примерно на уровне плеча шестилетнего Егора, сам замок — ещё на ладонь ниже. Теперь Егор мог точно отмерить его высоту от старого пола.

Он отметил точку крошечным кусочком бумажного скотча.

Из лифта вышел мужчина с коробкой лапши в руках. Посмотрел на рулетку и прошёл мимо, не задавая вопросов. Егор подождал, пока захлопнется входная дверь. В доме сно-

ва стало тихо.

Он достал латунный ключ.

Тот оказался тяжелее, чем выглядел. Круглая головка была истёрта, но бородка сохранила две необычно глубокие насечки. Егор прикоснулся ею к точке на штукатурке.

Звук пришёл сразу.

На этот раз не женский голос. Мужчина с той стороны стены что-то сказал, и слова растворились в гуле лифта. Егор прижал ключ плотнее. Низкий шум, похожий на далёкую работу вытяжки, оказался настолько отчётливым, что он машинально посмотрел в сторону электрощитка.

— Слышите меня? — спросил он.

За стеной что-то передвинули.

Он сделал шаг назад, отнял руку. Стало тихо.

Пока Егор стоял неподвижно, пытаясь объяснить, куда мог деваться звук, с ключа на пол упала маленькая крупинка штукатурки. На поверхности стены осталась вмятина, совсем неглубокая.

Он потрогал её подушечкой пальца. Твёрдая, обычная поверхность. Никакого отверстия.

Тогда Егор снова поднёс ключ, совместив бородку с вмятиной.

Под пальцами возникло сопротивление — не упругое, как у гипсокартона, а металлическое. Он не увидел щели, но кончик ключа вошёл в стену на несколько миллиметров.

Егор задержал дыхание.

Он знал, что происходит с людьми, когда они слишком хотят увидеть закономерность: даже уверенность в собственных пальцах становилась ненадёжной. Но теперь ключ вошёл глубже. Металл опирался на невидимые внутренние зубцы, как в обычной личинке замка.

Он повернул его по часовой стрелке.

Раздался короткий щелчок.

Слева от его ладони появилась светлая вертикальная черта — тонкая, как нитка. Она спускалась от высоты плеча к полу. Затем обозначился верхний угол прямоугольника, чуть темнее окружающей штукатурки. Егор отшатнулся и ударился спиной о поручень.

Перед ним стояла дверь.

Та самая, с узкой филёнкой и овальным нулём. Краска оказалась не коричневой, как на фотографии, а серо-зелёной. Внизу имелся потёртый деревянный порог. Над дверью не было ни вывески, ни электрического короба. Сквозь узкую щель проникал тёплый свет.

Егор опустил взгляд на фотоаппарат. Тот висел у него на груди, включённый, но затвор ещё не сработал. Он поднял его и сделал один снимок. Второй — с небольшого расстояния.

Дверь была настоящей: он видел древесные волокна возле ручки и трещину в краске у петли. Он мог различить запах — слабый, пыльный, как в пустой комнате, которую недавно проветрили.

Изнутри кто-то коснулся ручки.

Егор ухватился за ремень фотоаппарата.

— Здравствуйте, — произнёс он хрипло. — Я не собираюсь входить. Мне нужно понять...

Дверь приоткрылась внутрь на ширину ладони.

Он увидел кусок стены, крашенный пол и три узких светлых прямоугольника один над другим. Внутри действительно была комната. Небольшая. Совсем не такая, какую он представлял, глядя на обмеры. В ней стоял стул, а дальше виднелась ещё одна закрытая дверь.

— Кто вы? — спросил человек из темноты.

Голос был мужской, но лица не видно.

— Егор Ланской. Здесь живёт моя мать. Жила. Кто вы?

Пауза длилась не больше секунды.

— Какой Егор?

Вопрос показался настолько нелепым, что Егор не нашёл-ся с ответом.

В этот момент снаружи хлопнула входная дверь подъезда.

— Эй, мужчина! — крикнула незнакомая женщина. — Это вы коробки передвинули? Они мне проход загородили.

Егор обернулся. К лестнице поднималась соседка с тяжёлой сумкой на колёсах. Он поднял руку, показывая, что сейчас освободит проход.

Когда он снова повернулся, дверь уже закрывалась изнутри.

— Подождите! — крикнул он.

Ручка ушла внутрь, щель исчезла. На месте серо-зелёной филёнки снова лежала ровная штукатурка. Егор ударил ладонью по стене. Твёрдая. Холодная.

— Вы тут что, ремонт делаете? — спросила женщина.

Егор посмотрел на неё.

— Вы сейчас видели дверь?

— Какую?

— Вот здесь.

Она перевела глаза с него на нишу.

— Молодой человек, мне проход нужен, а не загадки. Коробки-то ваши?

Он отодвинул коробку. Женщина прокатила сумку мимо него, недовольно постукивая колёсами по ступенькам. Егор хотел спросить ещё раз, но вовремя остановился. Она могла войти уже после того, как дверь исчезла. Её ответ ничего не доказывал.

* * *

Он просмотрел фотографии прямо на дисплее аппарата.

Первый кадр показывал серо-зелёную дверь, смазанную из-за дрожащих рук. Второй — её верхнюю половину, цифру «0» и край косяка. Он не видел во втором кадре саму нишу: слишком близко подошёл. Любой человек мог бы сказать, что снят чужой подъезд.

Егор включил видео и повернул объектив к стене. На записи было то, что увидела соседка: штукатурка, электрошпатель, полосы скотча на полу. Никакой двери.

Он попробовал снова вставить ключ. На этот раз ничего не произошло. Ни сопротивления, ни голоса. Металл скользил по шероховатой краске, как и должен был.

Егор отошёл к лифту и сел на ступеньку. Руки дрожали так сильно, что пришлось положить фотоаппарат на колени.

Он не был уверен, сколько прошло времени. Пять минут? Двадцать? На телефон пришло сообщение от клиента о готовом монтаже. Внизу зазвонил домофон. Мир не заметил, что в нём только что появилась, а потом исчезла дверь.

Он позвонил Софье.

— Я её открыл, — сказал Егор.

— Что открыл?

— Дверь. Ту, которой нет. Ключ подошёл. Я видел комнату, вторую дверь, человека. Потом всё исчезло.

Пауза.

— Ты сейчас где?

— В подъезде.

— Ты один?

— Уже да.

— Уйди от стены и поднимись в квартиру. Сядь. Выпей воды. Я приеду.

— Ты мне не веришь.

— Я не знаю, чему верить. Поэтому и приеду.

— У меня фотографии.

— Не удаляй ни одного файла и не редактируй. Даже не переименовывай карту памяти.

Он услышал, как она на том конце закрывает дверь.

— Егор, — добавила Софья. — Ты ведь не вошёл туда?

— Нет.

— Хорошо. Так и оставь до моего приезда.

* * *

Софья появилась через сорок минут. Егор ждал на кухне. Он налил в два стакана воду, но к своему не притронулся. Фотоаппарат лежал на столе, как вещь, которую после происшествия нельзя трогать без свидетелей.

Она просмотрела кадры и долго молчала.

— Можно сделать такую декорацию, — сказала наконец.

— Я знаю.

— И снимок можно подделать.

— Знаю.

— Но ты утверждаешь, что дверь стояла именно на этой стене, между двумя фотографиями?

— Да.

— И ты повернул ключ в замке, которого до этого не видел?

— Да.

Она села напротив него.

— Тогда завтра мы это проверим. Не ночью, не в одиночку и не ради красивой картинки. Установим камеру так, чтобы одновременно были видны ты, вся стена и неподвижный ориентир. Если ничего не получится, по крайней мере будем знать, что пытались.

Егор почувствовал облегчение. Софья не обещала верить ему и не притворялась, будто двух фотографий достаточно.

Она предложила проверить случившееся, а не забыть.

Когда она ушла, Егор вернулся на кухню за водой и заметил белую крупинку штукатурки на рукаве. Стряхнул её над раковиной, затем остановился.

Пыль — самая обычная вещь на свете. Но всё то время, пока дверь была открыта, он отчётливо видел старое дерево на месте свежей стены.

Егор посмотрел на крупинку и впервые подумал, что фотографий будет мало.

Нужно будет проверить, что останется после того, как дверь закроется.

Глава 11. Записать невозможное

Софья принесла штатив, строительный уровень и лист бумаги с шестью пунктами.

— Что это? — спросил Егор.

— Порядок работы. Чтобы мы потом не вспоминали, кто где стоял и что именно видел.

Они встретились в подъезде утром, когда жильцы обычно уходили на работу. Софья не хотела никого пугать необычными приборами у лестницы, поэтому сперва договорилась с председателем совета дома о короткой съёмке для уточнения размеров общего помещения. Она не стала объяснять ему историю с исчезающей дверью. На его вопрос ответила, что сверяют старые планы.

— Полуправда, — заметил Егор.

— Лучше, чем объявить всем, будто стены умеют открываться. Мы пока не установили даже, умеет ли это твоя стена два раза подряд.

Она закрепила телефон на штативе так, чтобы в кадр попадали ниша, обе соседние ступени, потолочный электрощит и сам Егор. Второй аппарат разместила у почтовых ящиков, на противоположной стороне площадки. На полу рядом с отметками малярной ленты положила линейку. Для освещения использовала обычную переносную лампу с аккумулятором.

— Никакой связи с домовою проводкой, — объяснила она.
— Чтобы нельзя было потом сказать, что какой-то скачок питания включил проектор.

Егор проверил часы на двух устройствах. Они расходились на четыре секунды. Софья сняла крупным планом экраны с временем, продемонстрировала обе карты памяти и включила запись, не выключая аппаратов до конца опыта.

— Теперь расскажи на камеру, что будешь делать, — сказала она.

Он назвал дату, место, свою фамилию, показал ключ, его насечки и ноль на головке. Потом указал точку на штукатурке, напротив которой вчера почувствовал замок.

— Вчера ключ вошёл сюда, — произнёс Егор. — После поворота возникла дверь. Сегодня я попробую повторить действие.

Он приблизил металл к стене.

Ничего.

Надавил чуть сильнее. Посыпалась пыль. Софья попросила не царапать поверхность — им не нужно было создавать следы, похожие на прорезь.

Вторая попытка тоже закончилась ничем. Егор почувствовал раздражение, знакомое по студийной работе: когда требуемый звук легко слышался вчера, а сегодня не удавалось воспроизвести его никакими средствами.

— Может, точка не та? — спросила Софья.

— Она отмечена.

— Отметка широкая. У тебя было несколько миллиметров на ощупь. Давай не будем притворяться, что знаем координаты точнее.

Они сравнили положение скола, расстояние до пола, старую фотографию. Егор снова попробовал — на этот раз левее.

Ключ вошёл в стену.

Не сразу. Сначала бородка зацепилась за что-то, чего Софья не могла разглядеть. Потом металл оказался погружён в ровную поверхность на половину длины. Оба молчали. Софья не приближалась. Камеры продолжали писать.

Егор повернул ключ.

Щёлкнул замок. Под потолком появился сероватый контур дверной коробки. Через мгновение перед ними стояла дверь, узкая, с краской, потёртой на высоте локтя.

Софья выдохнула через нос. Егор услышал это даже за собственным дыханием.

— Не подходи, — сказала она. — Пока не надо. Поворачивай голову медленно, чтобы было видно, что это не экран в кадре.

Егор послушался. Она подошла к другой камере, проверила её положение и только после этого приблизилась к дверному полотну.

— Можно коснуться? — спросила Софья.

Он кивнул.

Она приложила ладонь к дереву. Постучала два раза.

Удар прозвучал сухо, без привычного звона оштукатуренного кирпича. Потом проверила край косяка уровнем и измерила проём.

— Семьдесят четыре сантиметра, — произнесла она. — У нас было сто тридцать четыре до видимой границы ниши. Дверь занимает только часть. Но за ней, судя по фотографии, пространства должно быть больше.

Егор взялся за ручку. Та повернулась с усилием.

Дверь открылась внутрь.

Теперь он видел комнату лучше. На стене напротив — три вытянутых прямоугольных светильника с молочными плафонами. Между ними серое пятно от когда-то висевшей таблички. Пол покрыт линолеумом. В углу стоит стул без спинки, рядом — узкий шкаф с дверцей. За ним ещё одна дверь, закрытая и более тёмная.

Никого.

Из помещения пахло пылью и сырым деревом. Не дымом, не плесенью — скорее воздухом старой кладовой, куда редко заглядывают.

— Размеры комнаты не совпадают с замерами снаружи, — тихо сказала Софья.

— Мы это уже считали.

— Считали на бумаге. Здесь видно прямо. Если отмерить от нашей стены место для этих светильников, мы окажемся внутри шахты лифта.

Егор удержал дверь за край.

— Войдём?

Софья взглянула на закрытую дальнюю дверь.

— Нет. Сначала разберёмся, как удержать эту и как выйти. Мы не знаем, открывается ли она с внутренней стороны тем же ключом. И не знаем, кто там может быть.

В её голосе не было паники. Она говорила о вещах, которые действительно следовало проверить.

На полу возле порога лежала небольшая бумажная карточка. Егор заметил её только потому, что из-под края выглядывал угол плотного прозрачного пластика.

— Здесь что-то есть.

— Не заходи, — сказала Софья. — Попробуй достать отсюда.

Он присел и вытянул руку, оставаясь обеими ногами на площадке. Карточка оказалась дальше, чем казалась, почти за линией двери. Софья подала ему складную строительную линейку. Он осторожно подцепил предмет за угол и подтащил к порогу, затем взял пальцами.

Это был пластиковый пропуск размером с банковскую карту. Фотографии не было. На лицевой стороне значилось: «Служебный доступ. Технический участок 4». Под строкой цифр располагалась неявная зелёная полоса. На обороте — телефонный номер, затёртый у последних двух цифр, и название организации: «Северный городской сервис».

— Положи его на линейку, — попросила Софья. — Сфотографируем, где он лежал.

Они сделали несколько кадров. Затем Егор поместил пропуск в чистый пакет, который Софья дала ему из сумки.

— Это могло лежать здесь всегда, — сказал он.

— Где — «здесь»? В комнате, которой не должно быть в объёме дома? Да. Могло. Но теперь предмет можно измерить, потрогать и проверить. Он не исчезает, когда дверь закрывается?

Егор посмотрел на Софью. Кажется, она сама удивилась собственному вопросу.

— Сейчас узнаем.

Они не стали экспериментировать с дальней дверью. Софья проверила ручку со стороны комнаты, не входя внутрь: та двигалась обычным образом. Егор вытянул ключ из замка, находившегося снаружи, и осторожно притворил дверь за ручку.

Когда замок щёлкнул, двери не стало. Осталась стена с двумя короткими полосками малярной ленты рядом с ней.

На ступеньке между ними лежал пакет с пропуском.

* * *

Они провели ещё сорок минут в подъезде. Софья измерила расстояние между прежними контрольными точками. Рулетка снова показала метр тридцать четыре. Она обстучала стену — звук теперь был глухой, как у обычной кладки. Проверила ленту и линейку. На обеих камерах всё время опыта сохранилось, без заметного разрыва записи.

— На записи мы можем показать, что дверь была в кадре

между двумя состояниями стены, — сказала она. — Но не можем доказать, что кто-нибудь не построил здесь невероятно сложную декорацию. Это отдельная задача.

— Декорацию, которую мы не видим до поворота ключа.

— Я видела именно это. И мне не нравится, насколько хорошо я это видела.

Егор впервые услышал в её голосе страх. Не истерику. Страх человека, у которого работающий метод внезапно перестал объяснять измеренное.

Они поднялись в материнскую квартиру, скопировали файлы с обеих камер на два разных накопителя и проверили продолжительность. Софья получила копии. Егор сохранил неизменённые оригиналы вместе с контрольными суммами и рабочий просмотрочный файл. Пропуск они не чистили и не сканировали в хорошем разрешении до того, как зафиксировали его состояние.

Название компании Софья проверила сразу.

В доступном реестре организации «Северный городской сервис» не оказалось. Нашлась компания с похожими словами в названии, но другим логотипом и адресом. Телефон на карточке начинался с московского кода, оставшиеся цифры были частично стёрты.

— Фальшивый пропуск, — сказал Егор.

— Не исключено. Или старый. Или выданный структурой, которую мы неверно ищем. Пока это кусок пластика с надписью. Держи его подальше от предположений.

Она положила перед ним лист с шестью пунктами. Первые пять удалось выполнить. Шестой гласил: «Определить, кто имеет доступ к помещению и существует ли второй выход».

Егор смотрел на строку так долго, что Софья перевернула лист.

— Это потом. Сегодня достаточно.

Когда она ушла, в доме начали сверлить стены. С четвёртого этажа доносился обычный ремонтный шум. Егор сел на кухне, достал из пакета пропуск и положил перед собой.

На камере был зафиксирован вход в помещение, которое не помещалось внутри их дома.

В руках у него находилась вещь, взятая из этого помещения.

Он мог ещё сомневаться в том, что именно они обнаружили. Но не мог делать вид, будто единственным свидетелем ему была собственная память.

Глава 12. Женщина без адреса

Женщина ждала Егора возле булочной на первом этаже соседнего дома.

Он заметил её потому, что она дважды оглянулась на вход в его подъезд, а затем, словно приняв решение, двинулась навстречу. На ней было тёмное пальто не по погоде и дешёвая шапка, натянутая почти до бровей. В руках — бумажный пакет из аптеки.

— Вы Егор? — спросила она.

Он остановился в нескольких шагах.

— Да.

— Ланской?

— Кто вас интересуется?

Она внимательно посмотрела на него. Лицо бледное, у глаз глубокие следы усталости. На вид немного за сорок. Егор не помнил, чтобы видел её раньше. Но женщина, похоже, узнала его.

— Вы искали дверь, — сказала она тихо.

Егор почувствовал желание оглянуться. За его спиной проходили люди с пакетами, мужчина выгуливал собаку возле бордюра. Никто не обращал на них внимания.

— Какую дверь?

— Нулевую. У лестницы. Я видела вас с женщиной и камерами.

— Вы из нашего дома?

— Нет.

Она ответила слишком быстро и опустила глаза на аптечный пакет.

— Тогда откуда вы знаете мою фамилию?

— Я слышала её от Марины.

— Даниловой?

Она кивнула и тут же оглянулась на дорогу.

— Вы можете помочь мне вернуться домой?

Егор не сразу нашёл ответ. Двадцать семь лет платежей, странная комната и голос с кассеты — всё теперь связывалось с женщиной, стоявшей перед булочной и просившей о помощи.

— Кто вас удерживает? — спросил он.

— Здесь неудобно говорить.

— Я могу вызвать полицию.

Она резко покачала головой.

— Я уже пыталась. Там нужно сказать, кто я. А они проверяют мои документы и потом звонят ему.

— Кому?

— Мужчине, у которого я живу. Он говорит, что он мой муж.

Егор смотрел на неё, стараясь не выдать ни испуга, ни недоверия. Так мог говорить человек после домашнего насилия, после обмана с документами, при тяжёлом психическом расстройстве. Но помощь в этих случаях потребовалась бы

разная.

— Давайте зайдём в булочную, — предложил он. — Там люди. Можно поговорить спокойно.

Женщина посмотрела на стеклянную дверь.

— Только у окна. Мне нужно видеть дорогу.

* * *

Внутри пахло хлебом и кофе. У стойки стояли две школьницы, обсуждавшие контрольную по математике. Егор купил чай, спросил женщину, хочет ли она чего-нибудь. Она отказалась, а когда он всё же поставил стакан перед ней, только согрела о него ладони.

— Как вас зовут?

— Ольга.

— Фамилия?

Она помолчала.

— Филатова.

Егор достал блокнот, но не открыл его.

— Расскажите сначала, что с вами произошло. Я не следователь, не врач и не смогу обещать, что решу всё сам.

— Я знаю, кто вы. Вы сын женщины, которая жила над той дверью.

— Откуда вам это известно?

— Так сказали. Я видела, как Марина смотрела на вашу фотографию в телефоне. Потом она сказала кому-то: «Ланской нашёл бумаги». Я запомнила фамилию. А вчера увидела вас с камерой.

Егор вспомнил, что Марина требовала оригинальный снимок. Если женщина слышала такие разговоры, значит, находилась достаточно близко к человеку, который принимал материнские деньги.

— Марина вам помогает или мешает?

Ольга коротко усмехнулась.

— Она говорит, что спасла жизнь. Только почему-то не мою.

— Чью?

— Это долго.

Она вынула из аптечного пакета маленький сложенный лист и положила на стол. На листе был адрес, выведенный аккуратным круглым почерком.

«Москва. Переулок Красных Лётчиков, дом 8, квартира 12».

— Мой дом, — сказала Ольга. — Я там живу с дочерью. Вернее, жила. Уже три месяца не знаю, что с ней.

— Она несовершеннолетняя?

— Ей семнадцать. Летом было семнадцать. Она должна была поступать на подготовительные курсы. Я даже не знаю, сдала ли она документы.

— Можно ей позвонить?

— Мой телефон забрали. Другой номер здесь не работает, я пробовала с чужого аппарата. И адрес не находится. Я сама ходила искать. Такое чувство, будто половину улиц передвинули. Я не понимаю, что со мной сделали.

Последние слова она произнесла ровно, без повышения голоса. Егор заметил, что Ольга старается не смотреть на своё отражение в чёрном экране его телефона.

— Марина знает про дверь № 0? — спросил он.

— Она водила меня через неё.

— В какую сторону?

Ольга посмотрела на него с отчаянием человека, который уже много раз пробовал объяснить простую вещь.

— Я была дома. Потом оказалась здесь. Через маленькую комнату. Я не знаю, как называется эта сторона.

Егор услышал стук чашек у стойки. Женщина за соседним столом попросила ещё один круассан. Обычные звуки словно отдалились.

— Вы можете показать дорогу обратно? — спросил он.

— Я помню комнату, но ключ был у Марины. И ещё там другая дверь, со следом от содранной наклейки. Мне не дали задержаться.

Егор вспомнил закрытую дальнюю дверь за порогом. Всё, что говорила Ольга, подходило к увиденному им. Но некоторые подробности уже могли стать известны через Марину, и он не имел права принимать совпадение за независимое доказательство.

— Вы пытались уйти из дома, где вас держат?

— Сейчас я и ушла.

— Тогда вам нужно безопасное место. И помощь человека, который умеет работать с такими ситуациями.

— Мне нужен не психолог, — сказала она неожиданно жёстко. — Мне нужен мой дом. И чтобы никто больше не называл меня другим именем.

— Каким?

Она отвела взгляд.

— Так же. Только это не я.

* * *

Егор написал Софье короткое сообщение: «Появилась женщина, которая утверждает, что проходила через нулевую комнату. Находимся в булочной у дома. Если можешь, позвони».

Потом положил телефон экраном вниз. Ольга заметила движение.

— Кому вы пишете?

— Человеку, с которым проверял дверь. Она умеет работать с документами и не станет объявлять вас сумасшедшей только потому, что ваша история странная.

— Вы мне верите?

Егор задумался.

— Я верю, что вам сейчас страшно. И что у нас есть вещь, которую я сам видел, хотя пока не могу объяснить. Всё остальное нужно проверять. Это не значит, что я вам не помогу.

Она впервые посмотрела на него без настороженности.

— Вы сказали почти то же, что я дочери. Когда она боялась экзаменов. «Страшно — не значит невозможно».

Снаружи у булочной остановился тёмный седан. Ольга резко придвинулась к окну, закрыв лицо ладонью. Егор увидел обычную машину, из которой вышла женщина с детским рюкзаком. Возможно, Ольга испугалась напрасно; возможно, просто привыкла бояться любого остановившегося автомобиля.

— Я не могу здесь сидеть, — прошептала она.

— Тогда идём в другое место. Не обратно в дом. Есть общественное место рядом с метро, и мы можем вызвать помощь, не сообщая никому ваш адрес. Но сначала решим, кому именно доверять.

Она долго смотрела на него. Затем аккуратно сложила листок с адресом и пододвинула через стол.

— Оставьте это у себя. Пожалуйста. Если со мной что-нибудь случится, хотя бы вы будете знать, откуда я пришла.

— Ольга, вы можете назвать место, где вы сейчас живёте? Или показать мне его на карте?

Она покачала головой.

— Нет. Не здесь. Он меня найдёт.

В этот момент её телефон — старый кнопочный аппарат, который она держала в кармане пальто, — завибрировал. Ольга посмотрела на экран и побледнела ещё сильнее.

— Откуда он у вас? — спросил Егор.

— Дали, чтобы я всегда отвечала. — Она выключила звонок. — Если не отвечу, он начнёт искать.

— Вы можете его не брать.

— Вы не знаете его.

На экране снова появилось входящее сообщение. Ольга повернула телефон так, чтобы Егор увидел текст:

«Тебя ждут дома. Давай обойдёмся без лишних людей».

Он предложил сфотографировать сообщение и сохранить номер. Она согласилась, но попросила не звонить отправителю. Егор убедился, что она не возражает, и сохранил снимок. Через минуту пришёл ответ Софьи: «Сейчас перезвоню. Не оставляй её одну».

Ольга подняла глаза.

— Я не хочу, чтобы из-за меня вам было плохо.

— Пока я сам не понимаю, что это за история. Но мы можем начать с того, чтобы вы не возвращались к человеку, которого боитесь.

Она кивнула. Это был первый её ответ, не связанный с невозможной квартирой.

* * *

Поздно вечером, когда Софья уже поговорила с Ольгой по телефону и помогла найти консультацию специалиста по кризисным ситуациям, Егор открыл городскую карту.

Он набрал адрес с листка.

Переулок Красных Лётчиков не нашёлся.

Он сверил старые карты со справочником улиц для краеведов и открытым каталогом документов по переименованиям. В одном пожелтевшем перечне сороковых годов название действительно встречалось: проектируемый переулок на

территории за старым аэродромом. Но рядом не было домов и номеров. Позднее проект изменили. На современных картах такого переулка не существовало.

По словам Ольги, она жила в доме восемь, в двенадцатой квартире и каждый день проходила мимо аптеки и школьного забора. В 2026 году. Егор знал этот район с детства. Там, где мог бы находиться переулок, стояли склады и гаражи, часть которых давно снесли.

Он ещё раз открыл адрес.

Ольга называла улицу уверенно, без пауз. Не вспоминала, не подбирала слова. Могла, конечно, ошибаться. Могла скрываться от мужа, не желая выдавать настоящее место жительства. Это следовало проверить.

Но слово «здесь» в её рассказе повторялось слишком часто.

«Другой номер здесь не работает».

«Половину улиц передвинули».

«Я не знаю, как называется эта сторона».

Егор посмотрел на лежащий рядом пропуск из комнаты. «Северный городской сервис». Несуществующая организация. И переулок, который существовал только как нереализованный проект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.